

Власов В. Ф.

Будда и Моисей

История спасения мира

16+

Владимир Фёдорович Власов

Будда и Моисей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41165017

SelfPub; 2019

Аннотация

Миссионер из России останавливается у настоятеля буддийского храма Роккаудзи отца Гонгэ, в послушниках у которого находятся двое молодых монахов Хотокэ (Будда) и Мосэ (Моисей). Там же он встречается со своей бывшей возлюбленной Натали, ставшей женой учёного-американца. Вместе они проводят научно-исследовательскую работу по установлению контактов с неземным разумом. Через электронные ловушки им открывается невидимая сторона физического мира. Герои романа вступают в контакт с неземным разумом и знакомятся с синтоистскими богами, совершая удивительное путешествие по всей Японии.

Содержание

Предисловие автора	4
Дневник миссионера	13
Продолжение Дня первого «Предупреждение ангела»	23
День второй «Появление Синего Дракона»	49
День третий «Наставление учителя Воплощения»	112
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Предисловие автора

Когда я ещё, будучи студентом Канадзавского университета, жил, учился и работал в Японии, то познакомился в небольшом городке Ёсида-мати префектуры Ниигата с настоятелем дзен-буддистского храма «Роккакудзи» отцом Гонгэ. Он был родом из этого городка, который я скорее называл бы большим селом, да и назывался-то он словом «мати», как селение, в отличие от понятия «тоси», что означает небольшой городок. В этом городке у него жили родственники, и он приезжал их навещать. Его храм находился высоко в горах Синано, в тех местах, о которых писал ещё в своё время знаменитый писатель Симадзаки Тосон, произведения которого мне также нравятся, как и повести моего любимого писателя Тургенева. Кстати, в их стилях есть много общего, возможно, Симадзаки Тосон писал свои произведения после русско-японской войны 1905 года, находясь под впечатлением от романов нашего писателя, с которым впервые познакомилась тогда японская интеллигенция.

Я встретился с отцом Гонгэ на одной пирушке у мэра. Местное общество было дружное и сплочённое, почти все жители городка знали друг друга. Когда мы разговорились с отцом Гонгэ, и я ему чем-то понравился, он стал говорить мне очень странные вещи. Речь зашла о романе Симадзаки Тосон «Нарушенный завет», и я сказал, что очень интересу-

юсь народом айну, аборигенами японских островов, о жизни которых писал автор романа. Я знал, что айну, заселявшие острова ещё до прихода на них японцев, отличаются от них внешне, у них растёт густая борода и многие из них голубоглазые. В основном они занимались скотоводством.

Будучи в Японии париями и считавшимися японцами «нечистыми», они как-то вообще выпали из внимания японской общественности. Мне очень хотелось встретить хотя бы одного айну, и тут вдруг отец Гонгэ мне объявляет, что один из его духовных воспитанников, монах Мосэ, является представителем этого народа. Более того, я узнаю со слов Гонгэ, что айну являются одним из затерявшихся в Азии колен евреев, которых когда-то в глубокой древности персы, пленив, увели из Земли Обетованной в Вавилон. Более того, храм Роккаудзи, в переводе означавший «Храм шести углов», имеет своим символ звезду Давида. Когда я это услышал, то почувствовал, что стою на пороге открытия, мировой сенсации. Пирушка продолжалась, и чем больше было выпито sake и пива, тем откровеннее становились наши разговоры с отцом Гонгэ. Узнав, что я изучаю японскую литературу и хочу стать писателем, он сказал, что некоторое время жил вместе с одним европейцем-писателем, который гостил у него в храме и тоже изучал японскую литературу. По вечерам тот писал рассказы о будущем.

– Как? – удивился я. – Он делал прогнозы на будущее, или же был фантастом?

Он рассмеялся и заметил:

– Ни то и ни другое. Он сам предсказывал будущее. Он просто слышал в шелесте листьев дерева шёпот тонких сущностей о будущем нашей планеты. Дерево само разговаривало с ним. Помните, как дело было с пелазгами у древних греком, с которыми тоже разговаривали деревья.

– Он слышал будущее? – я ушам своим не верил.

– Да, – ответил священник. – И очень страшное. Он сказал, что скоро Японии не будет. Вся она разрушится и уйдёт под воду.

– Он кроме вас ещё кому-нибудь это говорил? – спросил я.

– Говорил, но никто ему не поверил, посчитали его сумасшедшим.

– Однако, – признался я, – в такое трудно поверить.

– Вот и они так говорили, – сказал он, кивнув на моих японских друзей, предающихся веселью. – Пир во время чумы.

– А доказательства? – спросил я его.

– Есть доказательства, – сказал он, – я лишился двух своих учеников-монахов. Оба они исчезли, перешли в другое измерение, так сказать, в параллельный мир, или в иное время: в прошлое или будущее – этого я не знаю. Одного звали Хотокэ, а другого – Мосэ.

– Странные имена, – заметил я, – как я понимаю, Хотокэ переводится как Будда, а Мосэ – Моисей. А ваше имя пишется двумя иероглифами как «Воплощение»?

– Совершенно верно, – улыбнулся он.

– Неужели воплощение Будды!?! – шутливо воскликнул я.

– Всё может быть, – добродушно рассмеялся он, – я пока сам этого не понял.

– И чем же занимались ваши ученики?

– Дело, которым занимались они, наши власти с американцами засекретили, – ответил он.

– Интересно, что же это за дело такое? – спросил я, ещё больше удивляясь.

– Дело об экспериментах НАСА с электронными ловушками, которые американцы расставляли по всей Японии возле самых старых деревьев.

– Зачем? – удивился я.

– Этого они нам не говорили. Проводили какие-то свои секретные эксперименты. Вы же, наверное, знаете, как трепетно японцы относятся к деревьям. Для нас буддистов, но особенно для синтоистов, дух дерева является богом, проводником в прошлое и будущее. Недаром когда-то в древности пеласги, жившие среди греков, также, как и этот писатель, по шелесту листвы дубов могли предсказать будущее. Ведь старые деревья являются самыми древними представителями жителей нашей планеты. А у нас в Японии есть деревья в возрасте нескольких тысяч лет. Таких деревьев больше не сохранилось в мире. И правительство их объявило национальным достоянием и сокровищем. Повсюду в мире деревья вырубаются, а у нас сохраняются. В Японии нельзя ру-

бить деревья. Наша страна – единственная в мире, где площадь лесов увеличивается. Всю древесины мы ввозим в страну из-за границы. Дерево для Японца – святыня, потому что дух деревьев связан с прошлым и будущим, а их жизнь – с мировым вселенским временем. В моём храме тоже есть такое дерево, с духом которого он и общался.

– И что же ему сказал этот дух? – спросил я с замиранием в сердце.

– Он сказал, что приближается время мирового катаклизма. Япония затонет в мировом океане, как корабль. Погибнут почти все японцы. Исчезнет с лица земли Австралия, часть Америки и Европы, половина Азии тоже будет залита водой. Сохранится только Россия с западной и восточной Сибирью. Многие народы там найдут своё убежище.

– Неужели такие пугающие предсказания? – удивился я.

– И всё начнётся с Японии, – ответил Гонгэ, грустно покачивая головой, – уже началось.

– Не может этого быть! – воскликнул я.

– Вот, – сказал он, доставая из своей дорожной сумки тетрадку. – Здесь он записал всё, что было, и что будет. Отдаю вам её, можете использовать, как хотите. Всё равно она здесь в Японии никому не нужна. Да и никто не понимает языка, на котором она написана. От неё у меня будут только одни неприятности с властями и американцами. Я специально её захватил с собой, чтобы передать вам. Может быть, вы с ним встретитесь и вернёте её ему. Он так неожиданно покинул

тогда мой храм, что забыл некоторые свои вещи. Если вы его встретите, то напишите мне, я перешлю ему всё, что он тогда забыл у меня. Я пришёл на эту вечеринку лишь затем, чтобы встретиться с вами. Ну, а если не найдёте его, то уж пусть эти записи хранятся у вас. Всё равно, по его словам, скоро везде здесь будет вода. Может быть, в вашей стране найдутся благоразумные люди, чтобы подумать о будущем и как-то побеспокоиться о безопасности мира и человечества.

Я заглянул в тетрадь и очень удивился. Она была исписана по-русски почти каллиграфическим почерком.

– Так этот писатель русский? – спросил я у отца Гонгэ.

– Не знаю, кто он по национальности, но выдавал себя за немца. Знал хорошо немецкий язык, потому что носил с собой библию на немецком языке. Может быть, русский, может быть, еврей, а, может быть, немец. Но то, что он был православный, за это я ручаюсь. В деревне Ёсида он хотел открыть православную церковь. Но у него ничего из этого проекта не вышло. Потому что наши жители всегда придерживались традиционной веры, рождались синтоистами, а умирали буддистами. Он имел церковное имя Хризостом, но его все деревенские, почему-то, звали Христом Иесу – Иисусом Христом. Смеялись над ним, но на его проповеди ходили с интересом. Я думаю, что он путешествовал по Японии от русской православной церкви, но вот был ли он священником, я этого не знаю.

Я поклонился ему, поблагодарив за столь дорогой для ме-

ня подарок, ещё не совсем осознавая значимость этого дара.

После того вечера мы расстались с отцом Гонгэ, и он как-то выпал из поля моего зрения. Прочитав его тетрадку, вначале я отнёсся к ней как к курьёзу, не очень поверил тому, что там было изложено, но со временем меня стали одолевать сомнения. А может быть, всё, о чём он пишет в ней, и что очень похоже на сказку и местами даже на несуразицу, так мне казалось тогда, происходило на самом деле и может ещё произойти. Поэтому, предавая её гласности с некоторыми моими пояснениями, я снимаю с себя всю ответственность за изложенные там мысли, и надеюсь, что читатель сам сделает свои выводы. Мои пояснения приводятся только там, где нашему читателю может быть неясна мысль или источник, на который в своих рассуждениях ссылаются отец Гонгэ и сам этот таинственный миссионер. И ещё, он пишет о себе в рукописи в третьем лице с вымышленным именем, может быть, из-за своей скромности или конспирации. Я, чтобы не вносить лишнюю путаницу, просто назвал его Христом-спасителем, потому что до сих пор не могу понять, какая ему отведена роль в нашем мире.

Эта книга ещё может помочь тем, кто боится смерти.

Чистосердечно признаюсь, что раньше и я тоже боялся смерти, пока не попал в город Ёсида в Японии. Из разговоров с настоятелем буддийского храма Роккакудзи отцом Гонгэ и записей Христа-спасителя я понял, что наша жизнь неуничтожима, и мы вечны, хотим мы этого или нет. Жи-

вя в нашем общем доме, называемом Вселенной, мы путешествуем и попадаем из одного мира в другой, меняя нашу оболочку.

Отец Гонгэ считал, что в нашей жизни, как и во всей Вселенной, нет ни начала, ни конца, и ссылался на мнения древних учёных и философов, познавших мир. Так он говорил, что в своей книге «Значение знаков «Рассуждений и речей» и «Мэн-цзы»» знаменитый философ Ито Дзинсай (1627 – 1705) замечает: «Нынешнее мироздание – это вечное мироздание, вечное мироздание – это нынешнее мироздание. Разве есть у него начало и конец?» Поэтому человек, состоящий из энергии этого мироздания, живёт вечно, переселяясь из одной комнаты нашего общего Дома в другую.

Когда же я ему на это возразил, он привёл слова другого философа, учителя Накаэ Тодзю (1608 -1648), который в своём труде «Тодзю сэнсэй сэйгэн» – «Благие речи учителя Тодзю» говорит: «Поскольку всё множество вещей мироздания творится в свете божеств, сиянии духов, то если высветлить нашу светлую добродетель, обретём свет божеств и высветлим четыре моря (весь мир). Посему всё множество вещей мироздания находится в нашей светлой добродетели. Хотя заблуждающийся и думает, что сердце попросту находится в теле, на самом же деле, тело рождено в глубинах сердца. Посему для просветления взора нет различий между внутренним и внешним, тёмным и светлым, наличием и отсутствием». Поэтому мы никогда не умираем, а просто

проходим через врата перерождения, которые ещё называем Вратами смерти».

Читая рукопись миссионера, я как бы заглянул через Врата смерти по ту другую сторону нашего бытия и полностью успокоился насчёт своего будущего. Я понял, что я неуничтожим. Если даже меня положат в гроб и зароят в землю, или взрывом моё тело разнесёт на части, а также, если я утону, и меня съедят рыбы, или меня кремируют и мой пепел развеют по всему свету, я не умру. Я перейду в другой мир, который является продолжением этого мира. Там, также, как и здесь, я буду находиться между шестью углами – четырьмя сторонами света, верхом и низом. Там меня ждет своё пространство, заключённое в новый «ящик Вселенной» с моими старыми друзьями и новыми знакомыми, с которыми я буду ряд встречи. Возможно, в одном из этих миров я познакомлюсь и с Вами.

До будущих встреч, дорогие читатели.

Автор.

Дневник миссионера

День первый «Два монаха»

Какая страна родилась в океане,

Где праздник справляют однажды в четверг?

К её берегам мысль с энергией тянет.

И тянет ковчеги для наций и вер.

Одно из пророчеств Мишеля Нострадамуса о России

Am Anfang schuf Gott Himmel und Erde.

Цель моего путешествия по Японии первоначально состояла в том, чтобы отыскать следы древнего исчезнувшего колена евреев, уведённых персами в Вавилон, для того, чтобы попытаться у них разыскать вывезенные ими святые книги из Земли Обетованной для исправления Ветхого завета Библии.

Отправляясь из России в Японию, я наткнулся на интересную заметку – «Курьёзы времени» в газете «Времена», в

ней говорилось:

«До появления племени Ямато Японские острова были заселены айнами, которые там и поныне занимаются скотоводством. У них растут бороды, и они очень похожи на представителей одного из колен еврейского народа, затерявшегося на просторах Азии. Когда японское правительство поднимает вопрос о возвращении Россией «северных островов» Японии, то, может быть, стоит подумать о возвращении всего Японского архипелага Израилю? Ведь айны-евреи имеют притязания на владение этим архипелагом больше, чем сами японцы, по тому же общепринятому праву первооткрывателей и его первых жителей».

Поэтому в Японии я искал, в основном, следы древней Торы и остатки народа Моисея, и, к своему счастью, наткнулся на самого Моисея. В дзэн-буддистском храме Эйхэйдзи префектуры Фукуи, познакомившись с отцом Гонгэ, я узнал, что у него в северо-восточной горной части острова Хонсю в послушниках ходит сам Моисей. Я тут же сказал отцу Гонгэ, что еду с ним в Синано. Отец Гонгэ показался вначале мне несколько странным человеком. Это я понял из некоторых его рассуждений. Он говорил мне, когда мы вместе с ним ехали из Фукуи в сторону Ниигаты поездом «Синкансэн»:

– Мои монахи, двое учеников Хотокэ и Мосэ, когда перейдут из физического мира в мир иной, воплотятся в двух волнистых попугайчиков Чарли и Ричика. В детстве я держал двух таких попугайчиков в клетке в своей комнате. Эти

монахи своим характером очень похожи на тех попугайчиков.

– А где сейчас эти попугайчики, – поинтересовался я.

– Они подошли, но это не важно, – продолжал он. – Впрочем, вернее будет, если я скажу так, что эти монахи и птички, являясь сами по себе прекрасными существами, вначале жили как птицы, а потом воплотились в монахов. Ведь духи существ живут вечно, только с каждым перерождением меняют своё воплощение.

– Интересная теория, – рассмеялся я.

– Но вот только не известно, в кого воплотятся монахи потом, когда вознесутся на небеса, опять в птичек или монахов.

Я захотел сменить тему, но старый бонза настойчиво продолжал:

– Вы скажите, что в моих рассуждениях нет логики, и ещё подумаете, что, я выжил из ума, говоря такие вещи на старости лет. Но прошу Вас, не делайте скоропалительных выводов. Потом вы всё поймёте сами. Я-то уж знаю, что в этом мире из-за непонятного хода времени вообще нет никакой логики.

Я ему ничего не ответил. Некоторое время мы сидели молча, глядя в окна на проносившиеся мимо нас клочки рисовых полей и подступавшие к морю горы.

Отец Гонгэ улыбнулся и нарушил тишину:

– Я вижу, что немного запутал вас, да и сам запутался, не

совсем понимая, кто в кого и когда перевоплотился, но это не важно. Так же как ни важно и то, куда течёт время.

– И куда же оно течёт, – спросил его я, тоже улыбнувшись.

– Как-то одна тонкая сущность сказала мне, что в космосе частенько время движется вспять. Вначале звезда взрывается, а потом начинает сжиматься, образуя чёрную дыру, тогда-то течение времени вокруг неё начинает возвращаться в исходное положение. Вначале я не очень этому поверил, но когда позднее познакомился со всем разнообразием миров во Вселенной, то уяснил себе, что, вообще, мир алогичен, и над этим не стоит ломать себе голову. Одним словом, энергия переливается из одного места в другое, как деньги – из одного кошелька в другой. Но всё это тоже не важно. Это говорит о том, что всё в этом мире относительно.

– Вот оно что? – удивился я. – Вы знакомы с теорией Эйнштейна?

– Такой вывод я сделал ещё до знакомства с его теорией, – продолжал он, – и убеждён в этом сейчас, на старости лет, когда потерял всё в своей жизни и продолжаю терять остатки отпущенного мне времени. К сожалению, вся наша жизнь состоит из потерь. Таков уж наш мир. Череду потерь и приобретений сменяется чередой приобретений и потерь, но, в конечном итоге, мы ничего не теряем, а живём вечно, так же, как существуют вечно в пространстве материя и энергия.

Затем он стал мне рассказывать о волнистых попугайчиках, птицах его детства:

– Я родился в большой семье, где кроме меня было несколько братьев и сестер, а также жили два волнистых попугайчика: зелёный Чарли и голубой Ричик. За этими птичками ухаживал я, чистил им клетку, кормил и поил. Братьям и сестрам обычно было ни до них, они настойчиво учились, а я лоботрясничал. Нет, иногда, конечно, они играли с птичками, но чтобы вычистить за ними клетку – ни-ни. Вся грязная работа по уходу за ними доставалась мне. Однако я любил своих птичек. И как я плакал по моему попугаю Ричику, когда его задавила одна из моих сестёр, нечаянно наступив на него в темноте. Я очень скорбел по его безвременной кончине, потому что в жизни он чем-то был похож на меня. Он жил жизнью романтика и поэта, был несколько отрешённым от реального мира. Такие люди и птицы, я думаю, иногда и вам встречаются в жизни. Благодаря Ричику, я чуть было не научился птичьему языку. Даже не обладая задатками полиглота, я бы обязательно овладел этим языком, если бы он остался в живых. Тем более перед этим я начал уже понимать китайскую речь. А уж птичий язык, наверное, не труднее китайского. Ричик любил слушать радио, которое я всегда оставлял для него включённым, уходя из дому. Когда звучали песни, он так искусно подпевал, чирикавая, что я диву давался его музыкальному слуху. Он имел привычку выбираться ночью из клетки и прогуливаться в темноте по всей квартире как лунатик. Эта привычка его и сгубила. Трагедия произошла зимой, и я не стал его хоронить – закапывать в

холодную землю. Он любил свободу. И ещё любил купаться. Поэтому я завернул его в мешочек из фольги и спустил на воду нашей незамерзающей реки, как хоронят матросов в море. И он не утонул, а уплыл по мягким волнам по освещенной луной дорожке в Дальние Дали, во всеобъемлющую Вечность. Я надеюсь, что такое путешествие для него было приятным. Так я простился с моим другом, почти обретя с ним взаимопонимание. Вообще-то я верю, что существует птичий язык. Язык есть у всех живых существ в природе, даже у деревьев. Важно нам научиться понимать его. Вы скажите, что птичьему языку научиться невозможно. И вообще, спросите меня, существует ли птичий язык? Уверяю вас, такой язык есть, и на нём можно даже сочинять стихи. Просто мы, люди, вообще ничего не видим, что творится вокруг нас. Мы не знаем ни мира, ни жизни тех живых существ, которые живут рядом с нами. Я понял, что птицы общаются между собой на своём языке, когда жил ещё со своими родителями в нашем старом доме. Как-то раз, из-за того, что чердак нашего дома был плохо заделан досками, ко мне в комнату свалился с крыши крохотный птенец, которого я не мог своими силами выводить. Тогда я положил его в корзину, выложив дно сухой соломой, и повесил на стене нашей бани (офуро). И что вы думаете? Воробьи, услышав писк птенца, собрались на проводах и стали обсуждать между собой, кто будет вскармливать его. Так они решили отдать его одной паре, которая потом и заботилась о нём. Других воробьёв эта

пара к птенцу не подпускала.

Мы проехали Канадзаву, где была коротенькая остановка. Когда скоростной поезд отправился, отец Гонгэ продолжал:
– А вы когда-нибудь замечали, как реагируют воробьи на кошку, крадущуюся между грядок?

Я покачал головой.

– Они все хором на низких тонах начинают повторять: «Чук-Чук-Чук» – сигнал тревоги! И все птицы из кустов взлетают в небо, избегая опасности. Я могу привести тысячи примеров их разумной жизни, когда они, общаясь, находят разумные решения. Но речь сейчас не об этом, а о том, что мы, люди, часто не можем договориться друг с другом, если даже имеем общий язык. И уж тем более начинаем враждовать и навлекать на себя несчастья, если наши языки не похожи. Я думаю, что людей на земле не больше, чем птиц. Так зачем же нам враждовать и убивать друг друга?

Вспоминая о своём друге Ричике, а также о двух появившихся у меня позднее учениках-монахах, я подумал, а не найти ли мне человека, который мог бы записать все мои рассказы. Получилась бы хорошая книга о нашем общем взаимопонимании, о том, как сделать так, чтобы нам всем не враждовать, а дружить в этом мире. Ведь наша жизнь такая хрупкая и мимолётная. Может быть, лучше тратить наше время на любовь и на дружбу, а не на ненависть и вражду. Вот только жаль, что излагать свои мысли на бумаге я не могу. Во мне нет писательского таланта. И вот, к счастью,

встретил вас.

– Но, зато, вы очень интересно рассказываете, – похвалил я его.

Отец Гонгэ оживился и, улыбнувшись, заметил:

– Рассказывать я умею. Но вот жаль, слово вылетит изо рта и исчезнет. Унесётся куда-нибудь как птичка. А если бы его записать, то оно останется запечатлённым на века. А есть вещи в мире, которые обязательно должны быть записанными, потому что они очень важны в жизни. К примеру, мои мысли о времени. Вот вы, вроде бы как даже священник, или имеете там какое-то отношение к церкви. Я думаю, что вам будет интересно то, что я вам сейчас скажу. Когда Бог говорил о сотворения мира за шесть дней, он имел в виду не земные дни, а вселенские. Было бы глупо думать, читая Святое Писание, что Бог создал мир за шесть земных дней. Тогда ещё и нашей земли-то не было. Он её только создавал. Поэтому и время было другое. Там в глубине Вселенной, где обитает ваш Вседержитель, время течёт не так, как у нас. Там нет месяцев и годов. Есть только Божьи дни. Ведь так?

Я кивнул головой.

– Так вот одна тонкая сущность, прибывшая из того мира, сказала мне по секрету, что сейчас во Вселенной идёт 21244-й день после сотворения мира. Но до сотворения мира было ещё 210 дней, когда Всевышний раздумывал, сотворить ему этот мир или нет. Ведь Бог живёт вечно, и у него нет ни начала, ни конца. Его время бесконечно.

Я ему на это ничего не ответил.

– Так вот, – продолжал он, – в нашей Вселенной с понятием времени дела обстоят совсем не так просто, как кажется на первый взгляд, пояснила мне небесная сущность. Есть время божье, есть время небесное и есть время земное. И каждое из этих времён идёт по-разному. Иногда то или иное время начинает идти вспять или перехлёстывает друг друга. Так, Бог живёт по одним часам, тонкие небесные сущности – по другим, а люди и весь животный мир на земле – по третьим. Поэтому наш земной день не равен ни дню Божьему, ни дню небесному.

День клонился к вечеру. Поезд проехал города Тояма, Касивадзаки и Нагаока. Не доезжая до Ниигаты, мы с отцом Гонгэ вышли на небольшой станции. Там нас ждали монахи Хотокэ и Мосэ, вызванные специально отцом Гонгэ из храма для встречи с нами. Монахи поклонились. И вдруг Моисей вместо приветствия сказал фразу, которая основательно поразила меня:

– И сказал Бог, обращаясь к Моше: «Взойди ко мне на гору и будь там; и я дам тебе скрижали каменные, и Тору, и заповедь, которые я написал для наставления народу». И встали Моше и Йегошуа, служитель его, и взошёл Моше на гору Всесильного. А старейшинам сказал: «Ждите нас здесь, пока мы не возвратимся к вам, вот Агарон и Хур с вами: у кого дело есть, пусть приходит к ним». И взошёл Моше на гору, и покрыло облако гору.

И осенила слава Бога гору Синай, и покрывало её облако шесть дней, и позвал Он Моше на седьмой день из облака.

И явилась слава Бога в виде огня, пожирающего на вершине горы на глазах у сынов Израиля, и вошёл Моше в облако. И был Моше на горе сорок дней и сорок ночей.

Так начался мой первый День на священной горе храма Роккаудзи.

Продолжение Дня первого «Предупреждение ангела»

Настанет день, настанет час, придёт Земле конец,

И нам придётся всё вернуть, что дал нам в долг Творец.

Но если мы, Его кляня, поднимем шум и вой.

Он только усмехнётся, качая головой.

Курт Воннегут «Колыбель для кошки»

Поднимаясь высоко в горы, я увидел небо. Мы взбирались по крутой тропинке, пролегающей между скалами. Монахи несколько ушли вперёд, мы же с отцом Гонгэ шли позади. Отца Гонгэ никак не оставляли воспоминания о его волнистых попугайчиках. Он говорил мне тихо:

– Вот смотрю на моих учеников Хотокэ и Мосэ, которых я люблю несколько не меньше моих птичек, и думаю. Человеческое сердце всегда должно быть сострадательным к нашим младшим собратьям на земле: к птицам, животным и насекомым, именно потому, что часто причиной их гибели

являемся мы, люди. Мои ученики тоже жалеют птиц и животных. Птиц и людей связывает Небо. Птицы могут подниматься в небо физически, мы же постоянно поднимаемся туда мысленно. Мои ученики тоже частенько воспаряют в небо подобно птицам. Может быть, они и были в своих прошлых перерождениях птицами? Особо их образованием я не занимаюсь, да они и сами впитывают все знания в себя как губка. Поэтому я предоставляю им всегда полную свободу выбора, не понуждая их к учениям никакого из буддийских направлений. Они берут всего понемногу от школ Тайдай, Сингон, Кэгон и Дзэн, которые, так или иначе, изучали Небо. Я думаю, что сейчас они более начитанные, чем многие настоятели храмов – мои знакомые. Но главное их преимущество – это их духовная чистота. На свете нет безгрешных людей, но я считаю их святыми.

Через какое-то время мы, наконец, добрались до храма, стоящего на вершине горы. Позднее я сделал о нём даже несколько записей в своём дневнике. Вот они:

«Во дворе храма Роккакудзи в тени огромного дерева кэяки из породы ильмовых приютилась скромная хижина двух буддийских братьев монахов Хотокэ и Мосэ. Даже в жаркий полдень тень от дерева, которому по приданию было более полторы тысячи лет, хранила прохладу в самой хижине и вокруг неё в радиусе семи метров. Ходила легенда, что это дерево было посажено монахом, прибывшим с островов индонезийского архипелага, когда там ещё блистали в своём

величии буддийские храмы, подобные Бободуру. Об исламе в тех местах ещё ничего не было слышно. По той же легенде прах этого монаха после смерти был погребён под корнями дерева. Крона дерева поднималась высоко в небо, и у людей, вспоминая эту легенду, часто возникала странная ассоциация. Им приходило в голову, что тот самый монах, лежащий под деревом, простирает свои многочисленные руки вверх, чтобы из-под земли прикоснуться к небесной святыне и достичь, наконец, того, чего жаждала его благочестивая душа во время всей его подвижнической жизни. Местные крестьяне говорили даже, что буддизм стал проникать в Японию с появлением в их краях этого монаха. Но имени этого монаха никто не помнил.

Когда ветер шевелил ветви, то братьям монахам, вслушивающимся в шелест листвы, казалось, что до них доносится шепот монаха. Слов они не могли разобрать. Как будто он вещал из небытия некую сокровенную тайну. Иногда Мосэ пытался постичь это откровение, слушая шелест листвы, но, увы, он был не в силах понять, о чём шептало дерево.

Позднее, осенью, когда наступали холода и листья кэяки начинали облетать, братья монахи с проникновенной грустью подолгу взирали на листопад и думали о скоротечности мира, о том, что сменилось много обитателей храма, опав, подобно этим листьям, но это дерево продолжало стоять, связывая всех живущих с далёким прошлым.

За четырёхсотлетнюю историю храма Роккакудзи не одно

поколение бонз отдыхало в этом дворике. Монахи здесь медитировали, вели споры, шутили и смеялись, придавались молитвам и мечтам, уносились в своих фантазиях в заоблачные выси, страдали от холода в зимнее время или прятались в тени дерева от полуденной жары, укрепляя дух чтением сутр, вдыхали запах коры и листьев, слушали шелест листьев. Сколько мыслей посещало умы этих просвещённых монахов, и сколько взоров было устремлено в небо, туда, куда тянулись ветви этого огромного дерева. Как бы там ни было, но все приходило к единодушному мнению, что в этом дереве что-то есть. Рядом с ним хорошо думалось. И ещё, ствол дерева напоминал торс огромного молчаливого великана. Многие монахи, прикасаясь к нему, набирались силы.

Впрочем, сам храм являлся молчаливой тайной, как бы выпадающей из японской действительности. Уже в самом его названии таилась загадка. Роккакудзи – Храм шести углов. Какие углы? Почему шесть углов? Шесть углов не могли представлять углы света, потому как их всегда было не шесть, в восемь. В княжестве Кага князь Маэда четыре сотни лет назад создал «Парк шести сочетаний» – Кэнрокуэн, но и это название не давало объяснения, не подходило к толкованию этих шести углов, так как те сочетания относились к эстетическому восприятию природы.

На фронте буддистского храма выделялась шестиконечная звезда, та самая звезда Давида, являющаяся символом древнего народа, живущего на другом конце материка в

своей Земле Обетованной».

Первым делом, как только я попал в храм отца Гонгэ, я поинтересовался учением этого храма.

Отец Гонгэ мне рассказал:

– «Учение шести углов» – это учение о шести пределах, где взяты четыре стороны света, а также низ и верх. В нём сравниваются эти шесть пределов во Вселенной при помощи метода экстенсивного толкования с образом «ящика», как приём вспомогательного образного положения.

– Но почему Вселенную вы представляете в форме ящика? – удивился я.

– Почему? – переспросил меня Гонгэ. – Почему я говорю, что во Вселенной существует только единое первоначальное «ки» (энергия)? Это нельзя объяснить простыми словами. Позволю себе это пояснить примером! Вот если мы, соединив шесть досок, построили ящик и плотно закрыли его крышку сверху, то «ки» – воздух и энергия сами по себе наполняют его, и сама по себе рождается белая плесень. А коль скоро появилась плесень, то само собой также зарождаются черви. Это – «ри» (закон) самой естественности. Можно сказать, что Вселенная – это один большой ящик; все предметы – это плесень и черви. Вот что такое «ки». Нет места, где бы оно ни заводилось, нет также места, откуда бы оно пришло сюда. Есть ящик, есть и «ки», нет его, нет и «ки». Поэтому-то мы знаем, что во Вселенной существует единое первоначальное «ки», и только оно! Из этого можно видеть, что нет та-

кого, чтобы сначала было «ри» (закон), а затем рождалось «ки»? То, что называют «ри», напротив, есть только производное от «ки. Ведь все предметы основываются на пяти элементах и на «ин» (покое) и «ё» (движении). Но если доискиваться далее, что же представляет собой основа «ин» и «ё», то мы неизбежно вернёмся к «ри». В этом случае процесс элементарного познания таков, что он не может не породить идеи и воззрения, дойдя до этого момента. Поэтому сунские конфуцианцы и создали свою теорию о беспредельном Великом пределе. Если же рассматривать это в свете вышеприведённого примера, то «ри» весьма ясно до очевидности! Различные теории большинства сунских конфуцианцев о том, что имеется «ри», а уже затем появляется «ки», вплоть до того, что ещё до появления Вселенной раньше всего существовало это «ри», – всё это вымыслы! Рисуя змею и добавляя к ней ноги, устанавливают ещё голову, чего в действительности нет. Всё это изложил более трёхсот лет назад Ито Дзинсай в своём трактате «Точное толкование смысла «Лунь Юя» и «Мэн-цзы».

В первый же день я познакомился с двумя монахами и стал проводить с ними больше времени, чем с отцом Гонгэ. Имея определённую цель, я первым делом спросил у них, как звезда Давида стала гербом их храма.

Сидя в тени дерева и лениво борясь со сном, размягчённые жарой Хотокэ и Мосэ задумались об этом необычном символе под стрекот сверчков. Мосэ, развалившийся на ци-

новке на веранде хижины, смахнув рукавом выступающие на лбу капельки пота, спросил брата Хотокэ:

– Как ты думаешь, что означает эта шестиконечная звезда?

Тот, лениво потянувшись, ответил:

– Не знаю. Когда-то этот символ имел значение, но сейчас он уже ничего не значит.

– Почему? – удивился Мосэ.

– Потому что нашему миру всё это уже не интересно.

– Ты так считаешь?

– Я это вижу.

– Что ты видишь?

– Я вижу, что наш мир подошёл к рубежу, за которым уже скоро наступит конец света.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что человечество уже не знает, куда ему двигаться. Оно само готовит себе гибель. Человеческая мысль исчерпала все свои возможности, она не может найти выхода из тупика, в котором мы оказались. Мы наблюдаем все признаки начинающейся деградации и распада человека, как биологического вида.

– Неужели нет ни одной идеи, способной спасти наш мир от разрушения? – удручённо спросил я их.

– Нет такой идеи, – сказал Хотокэ. – Возможно, каждый из нас имеет какое-то представление о спасении мира. Но идея – это не просто представление, которое находится в го-

лове того или иного мыслителя. Представление становится идеей, когда оно превращается в общественную силу. Однако, в нашем мире, поражённом либерализмом, каждый живёт для себя с присущим ему эгоизмом. Поэтому не может идти речи о спасении мира. Наш эгоизм разрушает этот мир.

– Но ведь есть ещё у людей вера в лучшее будущее, – не сдавался я.

– Вера-то есть, а вот будущего уже нет, – ответил Хотокэ. – Наше внутреннее раскрепощение и духовная свобода закончились полным крахом. И уже поздно что-то изменить. Время упущено, в нашей жизни произошли качественные изменения, а негативные накопления в общественном сознании приняли уже необратимый процесс.

– Ты считаешь, что конец света неизбежен?

– Наступление конца света – всего лишь дело времени. Люди превращаются в животных. Они перестают читать книги, и разучились думать самостоятельно. Весь мир находится в сетях дьявола. Телевидение и СМИ манипулируют общественным сознанием, заполняя кибернетическое пространство рекламой общества потребления и насилием, а не божественными идеями духовного спасения и сохранения мира. Как результат – деградация общества, наркотики, рост национализма, терроризм. Ни в чём нет прогресса, кроме технического совершенствования. Мир становится с каждым днём сильнее, опаснее и глупее. Отойдя от истин Божьей мудрости, мир вскоре сам себя разрушит. А если он не разрушит

себя сам, то это сделает кто-нибудь другой.

– Кто? – спросил я.

– Не знаю, может быть, тонкие сущности, а может быть, сам Бог. Впрочем, есть ещё один вариант. К нам приближается планета Нобиру, управляемая анунаками. Ещё шумеры говорили, что раз в три тысячи шестьсот лет они посещают землю и наводят на ней порядок, а потом отбывает дальше по своей траектории, чтобы опять вернуться к нам через тридцать шесть столетий. Последний раз, когда они были, то на горе Синай вручили Моисею скрижали с заповедями, по которым жило человечество вплоть до настоящего времени, и постоянно их нарушало. Вскоре нам придётся держать перед ними ответ. Я думаю, что они, увидев, что творится на земле, не обрадуются, а покончат с нашим миром и вернут свой порядок. Так что, как бы там ни было, а конец нашего света неминуем. И возродится на земле новый Свет – их свет нашего обновления. А всё старое погибнет в пучине огненной.

– Но неужели, ты считаешь, нет никакого выхода? – спросил его Мосэ.

– А какой выход ты хочешь найти? Присмотрись внимательней к той идеологии, которая господствует в этом мире, и ты сам поймёшь, что выхода у нас с тобой нет. Мир движется полным ходом к катастрофе. Да и Всевышнему надоело что-то ожидать от человечества, которое не оправдало его надежд. Самое разумное, что Господь может сделать, это – поставить в нашем развитии точку. И если ничего не удаст-

ся изменить на земле анунакам, которых мы принимаем за ангелов, то он попытается где-нибудь на другом конце Вселенной ещё раз произвести свой эксперимент с мыслящей материей. Но вот только жаль, что нас с тобой туда могут не пригласить.

– Откуда ты это знаешь?

– Таково моё предчувствие.

– Твоё предчувствие может быть ложным, – усомнился Мосэ.

– Мы, монахи, отличаемся от простых людей тем, что можем предвидеть будущее. Обретению видеть будущее мы, собственно говоря, и посвящаем всю свою жизнь. Цель нашей жизни – отточить свой ум до такой степени, чтобы он умел проникать в суть вещей. Если мы с тобой этого не достигаем, то можно сказать, что зря едим монашескую пищу. Наша мысль должна уподобиться божественной стреле.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Я имею в виду притчу о самурае Кадобэ-фусэ. Он был беден смолоду. И, несмотря на то, что в то время стрельба из лука была дорогим удовольствием, Кадобэ-фусэ любил стрелять из лука стрелами «мамаки». Даже ночью он тренировался, выдирая дранку из своего разваливающегося домика, обжигал конец её и стрелял при свете луны. Жена с ума сходила от его занятия, соседи только головами качали. «Да если я свой дом на стрелы изведу, кто от этого пострадает?» – говорил он и продолжал стрелять. Кончилось это дело тем,

что он извёл свой дом на дранку, но прославился как меткий стрелок. Его пригласил на службу император и назначил придворным стрелком – нориюми. Как-то его отправили в провинцию созывать молодцов для борьбы сумо. Кадобэ-фусё набрал отличных борцов, получил вознаграждение и отправился в обратный путь. А плыли они мимо острова Кабанэ, где имели пристанище пираты. Пираты их увидели и начали преследование лодки. Кадобэ-фусё достал из дорожной сумки одежду придворного стрелка и облачился в неё. Глядя на него, спутники стали возмущаться: «Ты что, из ума выжил? – спросили они его. – Вместо того чтобы дать отпор пиратам, ты вырядился как петух». Но Кадобэ действовал умно. Когда их судно приблизилось к пиратскому кораблю на расстояние полёта стрелы, он спокойно прицелился и спустил тетиву. Стрела поразила главаря шайки в левый глаз, и тот упал навзничь. Пираты, осмотрев стрелу, обнаружили, что она не обыкновенная, а божественная. И они в страхе бежали. Так и мы, должны оттачивать наши мысли до остроты наконечников божественных стрел, чтобы они не только поражали цели, но и проникали вглубь вещей. Как говорят в народе, попасть не в бровь, а в глаз. Я имею в виду также и зло, творящееся в мире.

– Иметь мысли, острые как стрелы, – ещё не главное, – опять возразил ему Мосэ. – Задача истинного мыслителя – пройти Врата Небес, за которыми начинается Истина. Пока что человечеству этого не удавалось сделать. Самые умные

люди разных эпох подходили к этим Вратам, топтались возле них, но так и не могли оказаться по ту сторону.

– Поэтому ты решил пройти эти врата? – с улыбкой спросил его Хотокэ.

– А почему бы и нет? – смело заявил Мосэ.

– Ну что же, желаю тебе преодолеть их, – сказал Хотокэ и затих.

Мосэ повернулся на спину, и долгое время всматривался в крону огромного дерева кэяки, через ветви которого проступало синие бездонное небо, в глубине которого скрывался Всевышний.

– Вот, – сказал он, обращаясь ко мне, – четыреста лет назад у нас был один мудрец по имени Када Адзумамаро. Он говорил: «Был ли бог до появления мироздания или появился после – не ясно». А вы что думаете?

Я улыбнулся и пожал плечами. Мне не хотелось говорить, так как меня тоже одолевал сон. Вскоре я заснул. Но пока я спал, случилось нечто, что выходило за рамки моего понимания, о чём потом рассказал Мосэ. А произошло вот что:

Прошло некоторое время. Тишину и спокойствие возле монашеской хижины ничего не нарушало кроме стрекота сверчков и размеренного храпа брата Хотокэ. Глаза Мосэ начинали слипаться, его явно клонило ко сну. Глядя на орнамент переплетающихся ветвей кроны дерева, Мосэ то открывал глаза, то закрывал. Мысли путались, его охватывала дрема. Вдруг в кроне дерева что-то зашелестело, как будто

горячий ветерок пробежал по его верхушке и коснулся щёк монаха. Мосэ протёр глаза и сел. Недалеко от него на траве стоял ангел в белой одежде и держал в руках огненный меч.

– Кто вы? – испуганно спросил его Мосэ.

– Я – Ангел Смерти, – ответил тот.

– Вы пришли, чтобы забрать мою жизнь? – произнёс Мосэ, едва шевеля побледневшими губами.

– Не только твою жизнь, но и жизнь всех людей на этой земле.

– Но почему? – удивился Мосэ.

– Потому что для них наступил конец света.

– Так неожиданно?! – воскликнул Мосэ. – И нет никакой отсрочки?

– Отсрочка – сорок дней, – ответил Ангел, – через сорок дней пробьёт страшный час, когда вы все предстанете пред Богом.

– Но? – воскликнул Мосэ.

– Никаких «но», – возразил ему Ангел. – Всё взвешено, отмерено, решено. Миру отпущено всего сорок дней.

– И что будут тогда?

– Сбудется общее предсказание: «Когда стороны света сойдутся в одной точке, верх станет низом, а низ – верхом, наступит конец света».

Сказав эти слова, он поднял меч и мир померк.

Последними мыслями в голове Мосэ были:

Будущее исчезнет. Ангел смерти взмахнёт своим огнен-

ным мечом. Земля погрузится во мрак через сорок дней.

В этот момент одновременно это пророчество прозвучало во многих уголках Японии, как среди спящих, так и среди бодрствующих.

Так в Канадзаве в церкви свидетелей Иеговы во время общей молитвы один прихожанин вскочил со своего места, поднял руки к потолку и прокричал:

– Когда наступит конец света и мы, став на колени, возведем руки к Небу, и будем вопрошать Всевышнего, за что он насылает на нас небесную кару, но будет уже поздно что-то делать. Не лучше ли нам уже сейчас обратить внимание на себя и разобраться во всех причинно-следственных связях, чтобы понять, почему всё так происходит.

Прихожане стали его одёргивать, но он был, как бы, не в себе, говорил всякую несвязную несуразицу. Двое сотрудников взяли его под руки и вывели на улицу, где ему полегчало.

В Токио подобную мысль высказал на совещании учёных агентства НАСА профессор токийского университета «Васэда» Миура Кадзээмон, которому впоследствии тонкая сущность откусила голову.

Мне в этот момент ничего не приснилось. Я спал под раскидистым деревом сном младенца.

Когда я проснулся, и Мосэ рассказал нам свой страшный сон, я не придал ему никакого значения. Мало ли что может присниться во сне. Когда же монахи ушли к отцу Гонгэ на медитацию, я вытащил из рюкзака Библию и открыл её

на странице «Откровения» святого Иоанна Богослова. Мой взгляд наткнулся на слова: «После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице, ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши её. И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от неё народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах её и не подвергнуться язвам её; ибо грехи её дошли до неба, и Бог воспрянул неправды её».

Я закрыл Библию, лёг на спину и устремил свой взгляд в небо. Окрестности гор несколько изменили свой цвет, от клонящихся к горизонту лучей солнца. Лёгкий ветерок пробежал по кроне огромного дерева. Листья шуршали и трепетали от надвигающейся ночи. Вершины деревьев противоположных гор чётче обозначили свои силуэты на светящейся линии горизонта. Проступали невидимые днём очертания, тянущиеся к светлому небу. Равнины и впадины между гор заполнялись тенью. Я вслушивался в шелест листвы, и вдруг ощутил каким-то внутренним чувством, что дерево разговаривает со мной. Вначале я даже не понял того, что происходит: или мои мысли налагаются на шелест листвы, или шелест листвы с мыслями проникают в моё сознание. Но я яв-

ственно ощутил, что эти мысли не принадлежат мне, потому что я раньше никогда не думал так, и вряд ли когда-нибудь ещё буду думать. Мысли как бы проносились в моей голове сами по себе, неведомо, откуда возникая. Я даже не мог помешать их движению.

Мне думалось: «Люди вначале что-то делают, а потом думают. И чем меньше думают, тем больше делают. Сейчас уже никто не думает, но все чем-то заняты. В мире всё происходит автоматически, как рефлексия на раздражение. Все живут сегодняшним днём, не задумываются, что будет завтра, потому что все лишились каких-либо устойчивых внутренних качеств. Люди все управляемы. Но кто и что ими управляет? Не совесть, так как уже давно все её лишились. В данный момент всех занимают только сегодняшние актуальные моменты, как рефлексия на раздражение. Все стали нервными, несдержанными, и с каждым днём всё больше превращаются в неврастеников. Люди в мире все суетятся вокруг огромного Вавилона, который ими всеми манипулирует. Он управляет людьми и всем миром. Одних делает богатыми, других разоряет. Одним помогает строиться и богатеть, других уничтожает. Он всех и всё контролирует на земле и обрёл такую силу, что стоит ему сказать слово, и народы перед ним падают ниц. Он имеет самую сильную армию в мире и сосредоточил в себе все основные богатства. Он постоянно создаёт новые ложные ценности и новую ложную культуру. Но время его падения уже близко. И он это понимает. По-

этому он старается всеми силами отсрочить своё падение. Развязывая на земле войны, он всё больше народов втягивает в конфликты. Сейчас он сосредоточен на местах старого Вавилона, пока он не уничтожит там все народы, он не успокоится, и не будет уже больше их веры. Затем он постарается уничтожить самые многочисленные народы. Сокращение людей на земле – это его цель. Захват всей земли – это тоже его цель. Но уже близок час его падение. И падение его начнётся с востока. Ибо Вавилон стал великой блудницей. И грехи её Бог видит и помнит, и ему претит её неправда. Все несчастья падут на неё и её союзниц. В один день придут казни, смерть, плач и голод. И будет она сожжена огнём, потому что силён Господь Бог, судящий её. И заплачут и возрыдают о ней цари земные, блудодействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара её. Но некоторых царей уже не будет, так как они провалятся или исчезнут под водой. А те, кто сохранится, будут, стоя издали, от страха и мучений её говорить: горе, горе тебе великий Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришёл суд твой. И купцы земные восплачут и возрыдают по ней, потому что товаров их никто уже не покупает. И горе тебе, великий город, ибо в один час погибло твоё богатство. И все кормчие, и все плывущие на кораблях и все торгующие на море встали вдали и, видя дым от пожара её, возопили, говоря: какой город подобен городу великому. И посыпали пеплом головы свои и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе город великий, дра-

гоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море! Ибо опустел ты в один час. Веселись о сём, небо и святые Апостолы и пророки, ибо совершил Бог ваш суд над ним. После этого все услышат на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорит: аллилуйя! Спасение и слава, и честь и сила Господу нашему. Ибо истины и верны суды Его! Потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки её. И сошёл в страну самую широкую Верный и Истинный, сидящий на белом коне, который праведно судит и воинствует. Имя ему: Слово Божие. И царство справедливости воцарится на тысячу лет. И новый святой город, сходящий от Бога с неба, примет в себя всех спасшихся. И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

Так говорило мне дерево, и в ужасе слушал шелест листьев и не мог понять, почему эти мысли, явно не принадлежащие мне, наделённые необычайной пронизательностью, звучали именно для меня, как бы пророча закладывание камней в фундамент новой цивилизации и культуры. И в этом мягком благозвучном шёпоте листьев сами собой вставлялись пророческие слова откровения святого Иоанна Богослова, которые полные страшного лаконизма и величественности определяли будущее течение времени, могучего порыва всего человечества исправиться и переродиться на

основе того же божьего слова.

Я поднялся с земли и пошёл в сторону храма, взволнованный и ошарашенный услышанным предсказанием будущего, предвещающего время создания нового мира, где будут царить истинная красота и мудрость.

Возле храма я встретил наставника Гонгэ и двух его учеников. Они пригласили меня на ужин, который был очень скромный и состоял из маленькой мисочки риса с кусочком солёной редьки дайкон, супа и небольшого кусочка тофу. Был ещё зелёный чай и апельсин.

Мне показалось, что во время ужина Мосэ и Хотокэ были чем-то расстроены. То же самое заметил и настоятель храма отец Гонгэ. Он улыбнулся и весело спросил их:

– Ну что вы головы повесили? Радоваться жизни нужно, а не печалится.

– Во время медитации в зале богини мудрости Каннон я увидел зловещее предзнаменование, – признался Хотокэ. – Ко мне явился дракон и сказал, что скоро наступит конец этой земли.

Отец Гонгэ рассмеялся.

– Рано или поздно он всё равно наступит. Зачем из-за этого переживать. Радоваться нужно, что мы пока ещё живём и наслаждаться жизнью. Вы молоды, у вас ещё все впереди, а вы уже печалитесь. Вот я уже старик, а радуюсь жизни. А по логике вещей, должно бы быть наоборот. Но, что поделаешь, такова жизнь, рано или поздно она всё равно закан-

чивается. Но это не значит, что со смертью приходит всему конец. Жизнь неуничтожима, так же, как и наша сущность. После смерти мы всё равно через сорок девять дней войдём в бардо, а потом опять родимся в этом мире. А вот кем мы станем, это уже зависит от нашей жизни сейчас. Что заслужим, то и получим.

– Интересная философия, – заметил я, – сколько в мире религий, столько и представлений о жизни и смерти.

– А что религии? – подхватил эту тему отец Гонгэ. – Религии необходимы человеку. Если отстранённо посмотреть на мир, то он представляет собой постоянно изменяющийся хаос. Из хаоса мы возникаем и в хаос возвращаемся. Нет ничего удивительного, что человек, чтобы как-то осмыслить этот хаос, ограничивает вокруг себя некое пространство и заполняет его определённым смыслом. Он как бы из своей философии и религии создаёт в этом пространстве свою обитель, комнату, дом, мир. Но все эти миры на поверку оказываются тем же продолжением всеобщего хаоса, они рушатся, вновь создаются, перетекают из одного в другое. Всё, что в мире есть, – это движение. Вот оно необоримо, и мы – путешественники в этом движении. Поэтому, я думаю, что самая разумная философия и религия – это даосизм. Я полагаю, что все религии созданы земным человеком, кроме одной – космической, то есть, даосизма, которую нам подарили сами боги, пришедшие к нам из космоса. В своём развитии мы тоже становимся богами, так как с каждым днём на земле

всё глубже постигаем божественную мудрость, которой живёт Вселенная. И, несмотря на то, что все мы разные, и имеем разное происхождение, в богов нас превращает наш развивающийся разум.

– Что вы имеете под понятием, что мы все разные? – спросил я. – И что значит, что у нас разное происхождение?

Отец Гонгэ опять рассмеялся.

– А то и значит, что Мосэ привиделся ангел, а Хотокэ – дракон. И оба они предсказали им будущее, одинаковое будущее.

– Мне, кстати, тоже сейчас дерево предсказало будущее, – сказал я, – и тоже не очень приятное.

– Вот видите, – весело сказал Гонгэ, – разум в этом хаосе самоорганизуется. Он находит разные формы для своего самовоплощения. И земля заселена разными мыслящими существами. Даже мы с вами, являясь как бы общностью на земле, именуемой человечеством, настолько разнородны, что имеем разное происхождение. Ещё не известно, отчего произошли на земле европейцы, африканцы, азиаты и индейцы в Америке. Ведь разные существа видоизменяются, и уж тем более разумные, приобретая определённую форму для выживания в той среде, где находятся. Самая разумная и эффективная форма выживания на суше – это форма обезьяны или птицы, которая может летать, а в воде – форма дельфина или рептилии, которая одновременно может жить как в воде, так и на суше. А под землёй лучшая форма вы-

живания – это форма змеи или червяка. Так что все мы произошли от разных существ. Мы, азиаты, произошли от рептилий и змей, вы, европейцы, – от птиц или других крылатых созданий, поэтому у вас, у всех, длинные носы, а у нас – узкие глаза.

При этих словах добродушный отец Гонгэ рассмеялся.

– Поэтому, вероятно, всегда у нас, у людей, такой антагонизм друг к другу, что мы убиваем друг друга по разным пустякам. Ведь, даже у вас, у россиян, на гербе изображён двуглавый орёл с иконкой на груди, где Георгий Победоносец убивает дракона, то есть нас, азиатов, произошедших от рептилий и драконов.

Отец Гонгэ опять расхохотался. Монахи, слушая наш разговор, тоже улыбнулись.

– Поэтому главное в этом мире для нас, – продолжал отец Гонгэ, – это научиться сосуществовать. Ведь и рептилия, и птица, если они имеют разум, могут жить разумно и дружно, помогая друг другу, а не истребляя друг друга. Мир – намного сложнее, чем он кажется нам на первый взгляд, и чтобы понять его, необходимо не только проникнуть в природу разумом, но и попытаться слиться с этой природой, а не обособляться от неё. Сейчас как раз настаёт время переосмысления всех наших ценностей, когда мир стоит на пороге глобальных изменений. Нам нужно не только вместе уживаться, но и приспособливаться к этим изменениям. Тем более, мы не знаем, что потеряем и что приобретём в буду-

щем. Если начнётся вторжение каких-нибудь сущностей в наш мир и истребления нас, то и тогда нам нужно научиться выживать вместе, объединившись.

– А что, может и такое произойти? – спросил я его.

– В этом изменяющемся хаосе, именуемом космосом, всё может произойти, – ответил отец Гонгэ уже без улыбки. – Нам нужно быть готовым ко всему. Ведь сильное поглощает слабое, а слабое, если не может сопротивляться сильному, то растворяется в нём и само становится частью этого сильного. Так происходит во всём мире. Лев состоит наполовину из съеденного барана. Но то, что последнее время мои мысли всё больше и больше занимает, это – то, а есть ли вообще какая-то разумность в этом мире? То, что мир является хаосом, это всем понятно. Но есть ли в этом хаосе какое-то организующее начало, или сам хаос подвержен неким законам самоорганизации. Единственное, что мы можем сказать о нём, это то, что в этом хаосе происходит некое самосовершенствование. Совершенство – вот что неоспоримо существует в мире. Но как оно происходит? Кто-то организует материю, или она сама организуется и совершенствуется. Если об этом задумываться, то начинаешь сомневаться в существовании Бога. В течение миллионов лет живая материя достигла определённого уровня совершенства. Нет, я не говорю о нашей планете. Мы ещё дети, живущие в этом мире, и толком ничего ещё об этом мире не знаем. Но где-то есть такие Знания и такое Совершенство, что нам вряд

ли удастся даже приблизиться к их пониманию при нашей жизни. А если так, то все наши цели иллюзорны. Если Истина закрыта от нас напрочь, то, как мы сможем её постичь. Я чувствую, что наше общество приблизилось к некому порогу, за которым последует информационный взрыв, и все наши знания, наука и представления о мире, пойдут прахом. Всё рассыплется как карточный домик, все наши мировые религии покажутся нам таким вздором и таким заблуждением, что жизнь наша потеряет всякий смысл. Это – как комната, к которой мирно тысячелетиями жил человек, и вдруг стены пол и потолок разлетятся в разные стороны, и человек, один на один, окажется с бездной и хаосом, не зная ни его законов, ни истинной сути всего этого. Мы окажемся в роли обманутых дураков, обманутых самими собой же. Самая главная идея, которая всех объединяет, может оказаться ложной. Знаете, как писал Герман Гессе в одном из своих рассказов? Человек где-то слышал об одном прекрасном далёком городе. И вот, он решил найти его, посмотреть, и если ему он понравится, то остаться там. Он распродает и раздаривает всё, что у него имелось, и уходит на его поиски, идет очень долго, переживает большие трудности, и уже обессиливает от поисков. И вдруг замечает, что заблудился в своём пути, и уже назад никак не может вернуться, и начинает чувствовать, что все рассказы об этом городе являются обманом и вымыслом. И нет никакого города, и никогда не было. Вот так же может получиться и с нашим Богом, когда

мы поймём, что нет никакого Бога, а есть Хаос. И этот хаос только с большой натяжкой можно назвать Богом. Есть ещё время, но и время вряд ли, по нашим меркам, можно считать Богом. Есть, правда ещё совершенство. Но что такое совершенство? И как оно соотносится с хаосом в пространстве и со временем? Совершенство знаний? Где они? В чём они заключены? Так и мы с вами, идём, не ведома куда, не знаем даже, что хотим найти.

– Но Бог все же есть, – твёрдо сказал Мосэ.

– Это – твоя позиция, – понимающе кивнул ему отец Гонгэ. – Ты читал Библию и Тору, которые уверяют тебя в этом. Ты шёл в этом направлении всю свою жизнь. И кроме этой цели ничего не видел вокруг себя. Так бывает с каждым, кто заранее в уме прокладывает себе путь, и уже ни на что не отвлекается. Но ты даже не знаешь, кто Бог, и какой он. Ты же не видел его ни разу в своей жизни. Может быть, это и есть тот далёкий прекрасный город, возникающий миражом в твоём воображении.

– Может быть и так, – молвил Мосэ, – но он определяет мою цель и заставляет куда-то двигаться.

– Но куда? – воскликнул отец Гонгэ. – В страну иллюзий?

– аже и так, – твёрдо сказал Мосэ, – если в этой стране есть мои идеалы: доброта и справедливость. Путь это – мечта, идеальный несуществующий мир, он если он делает меня лучше, чище и совершенней, то почему бы мне не создать этот мир на земле. Может быть, даже не я его создам, а те,

которых я привлеку к своему движению в этот мир. Да, пусть это – выдумка, но эту выдумку стоит реализовать на практике.

– Как говорил Беранже: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», – рассмеялся отец Гонгэ.

Затем он посмотрел на часы и воскликнул:

– Уже так поздно! За беседой мы и не заметили, как прошло время. Ну а сейчас нужно всем спать, а то мы проспим утреннее бдение.

Перед выходом из храма отец Гонгэ задержал меня, сказав:

– Завтра ко мне приезжает супружеская пара Смитов из Америки. Сам американец уже был у меня два месяца тому назад, уговаривал поставить свою электронную ловушку у дерева. Но я отказал ему. Он – из НАСА и имеет какое-то влияние на своё правительство. Это хорошо, что вы у меня гостите, я думаю, что он попридержит свой пыл убеждения. И, может быть, вообще перестанет мне надоедать.

Мы поклонились настоятелю храма и отправились в свои кельи.

Так закончился мой первый день в храме «Шести углов».

День второй «Появление Синего Дракона»

Всем живущим на земле

Умереть придёт пора,

И когда такой конец,

Миг, что длится жизнь моя,

Веселиться жажду я!

Отото Табито (III-349) «Манъёсю»

Und die Erde war wüst und leer, und es war finster auf der Tiefe; und der Geist Gottes schwebte auf dem Wasser.

Утром, во время сна, я почувствовал какое-то движение рядом с моей лесной кельей. Открыв глаза, я выглянул наружу, подняв полог на двери, и увидел, как двое монахов направлялись в сторону храма на утреннее бдение. Были ещё сумерки, четыре или пять часов утра, я опять забрался с головой под футон и уснул глубоким сном. Мне было необхо-

димо выспаться в то утро, потому что меня ждало такое потрясение, каких в своей жизни я переживал не часто.

Я проснулся, когда солнце уже освещало лужайку перед тысячелетним деревом. Вокруг было тихо. Я вышел из кельи, чтобы прогуляться и размять ноги. Когда я начал делать зарядку, то увидел вдалеке на тропинке поднимающихся к нам из долины двух туристов: парня и девушку с рюкзаками. Я вспомнил, что вечером, перед расставаньем, отец Гонгэ предупредил меня о визите супружеской пары Смитов. Супруги поднялись на лужайку, и у меня бешено забилося сердце. Я видел её.

Да, это была она, моя Натали. Они оба поздоровались со мной по-английски. Я им ответил тем же приветствием. Натали сделала вид, что не знает меня, но я заметил, что, увидев меня, она побледнела. После приветствия Смит и Натали направились в сторону храма. Я остался один, потрясённый до глубины души. Мне нужно было побыть одному, чтобы привести свои чувства и мысли в нормальное состояние. Я был потрясён, подавлен и расстроен одновременно от нахлынувших на меня воспоминаний и ревности, от которой пересохло в горле и сдавило дыхание. Я углубился в лесную чащу. На ветвях деревьев висели огромные пауки, но я не обращал на них внимания. Найдя большой плоский камень на уклоне горы, я уселся и погрузился в раздумья.

Впервые я увидел Натали, когда ещё учился в инязе. Изучая японский и китайский на факультете восточных языков,

я пытался сохранить свои знания немецкого и французского, которые изучал ещё в школе. Для этого по вечерам, после работы в библиотеке, я удалялся в одну из аудиторий и читал по часу или полтора немецкие и французские книги. Читал всегда вслух, руководствуясь системой немецкого учёного археолога Германа Шлимана, который полагал, что изучение иностранных языков эффективно лишь тогда, когда человек активно пользуется этим языком, произнося слова вслух, или говорит с воображаемым слушателем. На занятиях мне хватало речевых упражнений на японском, китайском и английском языках, но два языка моего детства и юношества оставались в пассиве, а я хорошо знал, как быстро забываются навыки устной речи, когда этим языком не пользуешься, поэтому ввёл правило в своей повседневной жизни: посвящать им не менее часа. Эти языки мне нравились, особенно французский. Я считал их языками моей души, поэтому читал на них книги с наслаждением.

В один из таких вечеров, в двери аудитории раздался стук. Дверь открылась, и на пороге стояла с ведром воды и шваброй в руках она, моя Натали, первая и последняя в моей жизни девственница.

– Вы меня извините, – сказала она, – но вы здесь занимаетесь один. Не могли бы вы перейти в соседнюю аудиторию. Мне нужно здесь помыть полы.

Так я впервые увидел эту стройную, худенькую девушку, похожую на подростка, с большими карими глазами и очень

симпатичными чертами лица. Она была чуть выше среднего роста и обладала такой очаровательной грацией, что на неё невозможно было не обратить внимание. В институте на занятиях я её не встречал.

Я вежливо извинился и перешёл в другую аудиторию. Через несколько вечеров она опять постучала мне в двери. Я собрался уже перейти в другую аудиторию, но она мне сказала:

– Какой красивый французский язык.

– Да, – сказал я, – он мне тоже очень нравится.

– А я в школе и сейчас в училище изучаю немецкий.

– Моя мама преподавала немецкий в школе, – сказал я, – но она умерла. Поэтому немецкий язык тоже мне дорог, как память о маме, поэтому я никогда его не забуду. Вот здесь читаю книги на немецком и французском языках.

– Как странно, – сказала она, – у меня тоже недавно умер отец, он был музыкантом.

– Я очень сожалею, – сочувственно произнёс я.

– А я учусь в хореографическом училище, и хочу стать балериной, – сказала она. – Мы с мамой живём недалеко от института, по вечерам я подрабатываю здесь в вашем учебном корпусе. Вот.

И она взглядом указало на ведро и швабру.

– А вы эти языки изучаете в институте? – спросила она.

– Нет – ответил я, – на занятиях я изучаю японский, китайский и английский.

– Зачем вам так много иностранных языков? – удивилась она.

– Как говорил Карл Маркс, каждый новый иностранный язык – это ещё одно оружие в жизненной борьбе, – пошутил я.

Но, кажется, она эту шутку не поняла. Поэтому я продолжил:

– Традиционно до революции русские всегда изучали два иностранных языка: немецкий и французский. Это – у нас в крови. Начинали всегда с немецкого, потому что он считался всегда самым трудным. Помните, как у Толстого в романе «Детство, отрочество, юность»? После немецкого уже не один язык не страшен, все другие языки легче его. По-немецки говорили все наши цари, так как брали в жёны немецких принцесс. В какой-то степени немецкий язык был, как бы вторым государственным официальным языком в Российской империи, тем более что со времён Петра Первого в науке и армии работало очень много немцев. При дворе наших царей часто слышалась немецкая речь. Вторым языком был всегда французский. На нём говорила вся аристократия и интеллигенция. Благодаря ему высшие сливки общества блистали остроумием, как говорил Гегель в «Философии духа», французы всех поражали своим стремлением нравиться и остроумием – *bel esprit*.

– И зачем это они делали? – улыбнувшись, спросила Натали.

– Наверное, чтобы нравиться женщинам, – ответил я ей и тоже улыбнулся.

– Но зачем столько языков? – опять повторила она вопрос.

– Потому что, изучая иностранный язык, мы познаём чужую культуру, как бы приобретаем ещё один ум, и на одну и ту же вещь можем смотреть уже многосторонне. Каждый иностранный язык обогащает нас, через него мы начинаем больше ценить свою культуру и бережнее относиться к своему родному языку. Русская передовая интеллигенция всегда относилась серьёзно к изучению иностранных языков, потому что считала себя частью всеобщей мировой культуры, поэтому не замыкалась в себе, а находила возможности аналитически и многосторонне подходить к решению многих своих проблем. Благодаря такому образованию, девятнадцатый век стал золотым веком в развитии нашей культуры. Помните наших писателей, учёных, композиторов, философов.

– Да, – задумчиво произнесла Натали. – Вы, наверное, правы. Но учить иностранный язык так сложно. У меня по немецкому языку выше четвёрки никогда не было оценки.

– Это потому что вы изучаете только один язык, – заметил я. – Как только вы начнёте изучать второй язык, так вам сразу же станет легче. Потому что вы поймёте систему языка, и будете уже изучать язык в сравнении с другим языком. На первом этапе сравнивать иностранный язык со своим очень сложно. Потому что мы как бы находимся внутри своего языка, и не можем обособиться. Но когда вы изучаете два ино-

странных языка, то становится легче их сравнивать, потому что хорошо видится всё на расстоянии. А через эти два языка и на свой язык обратите более пристальное внимание. Станете уважать его. Тем более, нам можно гордиться нашим языком, потому что он один из самых развитых и совершенных языков в мире, благодаря нашей культуре и истории.

– Я хотела бы изучать ещё французский, – скромно заметила она.

– В чём же дело? – спросил я её. – Начните его изучать.

– Но как? – покачала головой Натали. – У него такое сложное произношение.

– Я вам помогу, – охотно согласился я.

Она посмотрела на меня удивлённо и спросила:

– А зачем вам это надо? Я не смогу платить за уроки.

– Разве всё дело в оплате?! – воскликнул я увлечённо. – Знания вообще должны приобретаться бесплатно. И для меня будет удовольствие заниматься с вами.

Она недоверчиво посмотрела мне в глаза.

– Потому что, – продолжил я, – я сам испытываю большое наслаждение, когда слышу этот язык или говорю на нём. И тем более мне будет приятно научить этому языку такую любознательную девушку, как вы.

От этих слов она покраснела.

– Но, – заметил я, – чтоб меня ни в чём не обвинили, и чтоб никто ничего не подумал о наших встречах, скажите мне, вы достигли уже совершеннолетия?

– Уже давно, – сказала она очень серьёзно.

– Когда? – уточнил я, глядя на её почти детские черты лица.

– Полгода назад, – ответила она.

Я улыбнулся.

С этого времени по вечерам мы стали вместе заниматься французским языком. Её успехи меня поражали. Она имела идеальный музыкальный слух. Буквально всё схватывала налету. Через несколько занятий я стал провожать её до дому. С каждой встречей она мне нравилась всё больше и больше. Возможно, что я уже влюбился в неё. Провожая её домой, я говорил с ней на разные темы, и она всё впитывала в себя, как губка. Кое-что она рассказывала мне сама, но очень сдержанно и, как мне казалось, смущённо. Её смущение мне очень нравилось. Возможно, она считала меня очень начитанным студентом, и принижала свои знания и способности. Я её постоянно хвалил. У меня возникла мысль, что она влюбилась в меня, но она была настолько сдержанной, что я понять этого не мог, поэтому не переходил границы в наших отношениях. Однажды я её пригласил в театр на оперу, она с радостью приняла моё приглашение. Когда мы возвращались из театра на такси, сидя с ней на заднем сидении, я пожал её руку. Она её не отняла. Я её обнял за талию, она опять никак не среагировала. В тот вечер, провожая её, я впервые поцеловал её. И она это восприняла спокойно.

Через несколько вечеров я пригласил её на бутылку шампанского в один офис, где я по ночам подрабатывал сторо-

жем. В здание никого не было, мы уселись в приёмном зале на кожаном диване возле журнального столика, где я поставил бутылку шампанского и вазу с фруктами. Не знаю, решил ли я соблазнить её сознательно, или всё происходило неосознанно, сейчас мне трудно это понять. Я чувствовал, что она девственница. До этого я не делал таких попыток.

Да, она мне нравилась. Но она казалась мне ещё такой юной, а я был намного её старше. Я учился, и женитьба не входила в мои ближайшие планы. Но один раз я увидел её разговаривающей с милиционером. Милиционер ей что-то весело говорил, а она смеялась. Помню, как меня в сердце кольнула ревность, а в голове пронеслась мысль: «Если не я, то это сделает другой». И этот случай повлиял на мою решимость.

Я налил ей в бокал вина и сказал:

– Я люблю тебя, и знаю, что ты меня любишь, но сейчас я не могу на тебе жениться, потому что учусь. Нам как-то нужно, во-первых, не допустить секс, воздержаться от половой близости. Во-вторых, не нужно, чтобы ты сейчас забеременела.

Мы выпили, я поцеловал её в губы. Она таяла в моих объятиях и отдавалась мне вся целиком. Я стал склонять её голову на валик дивана, она не сопротивлялась, я уложил её на диван и, обнимая, одной рукой сорвал с неё нижнюю одежду. Она инстинктивно хотела освободиться, но я не дал этого сделать, так как сам был очень возбуждён. Я прижал её

к дивану и почувствовал нижнюю часть её голого тела. Бёдра и талия были хрупкими и изящными, своими изгибами напоминая скрипку. Я сознавал уже тогда, что держу в своих руках единственную драгоценность всей моей жизни. И я почувствовал, что если бы сейчас кто-нибудь захотел отнять её у меня, то я б не пожалел своей жизни, чтобы её удержать. Я попытался войти в неё, но не смог этого сделать, она ещё не принимала меня. Я не выдержал напряжения и кончил. Когда я это делал, ногой толкнул журнальный столик, один бокал упал на пол и разбился. Обнимая её, я продолжал целовать её лицо, но возбуждение уже спало, я немного успокоился. Встав с дивана, я посмотрел на осколки разбитого бокала и подумал: «Уж не дурное ли это предзнаменование». Но я уже ничего не мог с собой поделать, если б даже мне сказали, что после её соблазнения меня ждёт смерть, я бы всё равно был с ней, и умер бы самым счастливым человеком. Она была девственницей.

– Вот, видишь, этого не получилось, – сказала она, как бы облегчённо, – между нами ничего не было.

– Да, – сказал я, – уже поздно. Мне нужно отвезти тебя к маме и вернуться на работу.

Я собрал осколки разбитого бокала. Она встала с дивана и быстро оделась. Я прибрался и вызвал такси. Когда мы ехали по ночному городу, я, обнимая её, спросил:

– Можно к тебе приехать утром?

– Да, – ответила она, – мама уходит на работу в восемь

часом.

Отвезя её домой, я вернулся на работу и лёг на тот самый диван, на котором она чуть было не стала женщиной. У меня даже в мыслях не было отступить и оставить её в покое. Утром я приехал к ней. Когда она впустила меня к себе, взгляд у неё был смущённый.

Мы прошли к ней в комнату. В маленькой комнате стояла узкая старая кровать, платяной шкаф, стол и два стула, скромная келья девственницы. Я стал её молча раздевать, она стояла передо мной, покорная как овечка. И это меня приводило в сильное возбуждение. Я раздел её и уложил на постели. Она смотрела на меня испуганно, но не произносила ни одного слова. Я сказал ей:

– Потерпи, сейчас тебе будет немного больно, но через это нужно пройти.

Я с силой вошёл в неё, она вскрикнула от боли. Но я уже находился в ней, она стала моей на всю жизнь.

Я так думал тогда, и, может быть, не ошибся. После этого я каждое утро приходил к ней, как только её мама уходила на работу. Это были самые счастливые часы в моей жизни. Мы любили друг друга. Я любил её не только как женщину, но как своего ребёнка, которого у меня никогда не было. Она же, потеряв отца, относилась ко мне с безропотным послушанием и какой-то благоговейной любовью, может быть, я, и в самом деле, заменял ей тогда её отца.

Иногда я её спрашивал, почему у неё не было до меня пар-

ней из её знакомых сверстников, она мне призналась, что с ними ей всегда было скучно. Я спросил, неужели у неё никогда не возникало ситуаций, когда её могли сделать женщиной. Она улыбнулась и сказала, что была одна такая ситуация, когда они однажды отправились с сокурсницами на выступление в другой город. Учитель, опекавший её, поместил её в купе с собой, и ночью попытался овладеть ею, но она так пихнула его ногами, что у того чуть не получилось сотрясение головы.

В том году она оканчивала училище, а я – предпоследний год своего обучения. Летом я домой не поехал, а провёл всё лето с ней, живя в общежитии. Мы вместе уезжали в лес, вдвоём устраивали пикники где-нибудь в укромном местечке, при этом я её раздевал донага, любуясь её совершенной фигурой, длинными стройными ногами балерины и изумительной пластикой её движений. Она сидела голенькая на простыне, гармонично сливаясь своей красотой с красотой природы. Я, как художник, любовался ею и сравнивал её с божественной феей, ниспосланной мне с небес на землю. Она всегда меня смущалась, в силу своего строгого семейного воспитания, но безропотно исполняла все мои желания. И это меня очень возбуждало и толкало к таким изощрённым действиям, что я сам удивлялся себе. Она смущалась ещё оттого, что, как ей казалось, мало знала то, о чём я ей рассказывал. Но я говорил ей:

– Не стесняйся, что ты чего-то не знаешь, я тоже много-

го не знаю, и чем больше узнаю, тем больше чувствую, что меньше и меньше что-то знаю в этом мире. Но у меня последнее время возникло мнение, что и другие знают очень мало об этом мире и нашей действительности, как будто знания эти рассыпаны по всему миру, и каждый знает только небольшую их часть, а собрать все знания вместе мы не в состоянии.

В один из таких дней она мне сказала, что уже не хочет быть балериной, а собирается поступить в иняз, чтобы изучать французский язык.

Меня это несколько удивило, но я с готовностью предложил ей свою помощь в подготовке к экзамену. Осенью она поступила в институт и стала студенткой. Мы могли уже встречаться открыто, но с её матерью у меня произошёл неприятный разговор. Её мать была профессиональной балериной, и обвинила меня в том, что я своим влиянием закрыл ей дорогу к блестящей карьере. Поэтому я всегда избегал встреч с её матерью. Прошёл целый год нашей безоблачной любви, мы духовно, физически и психологически так подходили друг к другу, что я в минуты нашей близости ей говорил, что мы с ней всегда будем неразлучны, как кинжал и ножны. Она была верной мне во всём, и даже многое перенимала из моих привычек и увлечений, так самостоятельно, втайне от меня, начала учить японский язык. Как потом призналась, хотела удивить меня. Когда я узнал об этом, то опять предложил свою помощь, и мы некоторое время зани-

мались вместе. Но японский язык ей давался трудно, она никак не могла привыкнуть к иероглифам.

Но вот наступил момент, когда меня решили отправить на двухгодичную стажировку за границу. Натали очень не хотела расставаться со мной. Перед самым моим отъездом мы даже из-за этого поссорились.

Я уехал в Японию, а она попала на практику переводчицей в Интурист. Я послал несколько писем на её домашний адрес, но ответа не получил. Когда же я вернулся через два года в институт, то узнал, что вскоре после моего отъезда она познакомилась в Интуристе с американцем и вышла за него замуж. Это потрясение было для меня как удар кинжалом в сердце. После этого я её не видел, прошло уже более семи лет, как она жила в Америке. И вот в это утро я увидел её с преуспевающим американским парнем, который официально являлся её супругом. Я и раньше не мог представить, что она ещё с кем-то могла заниматься любовью, и кто-то мог обладать тем, что принадлежало только мне. Но вот жестокая реальность в то утро продемонстрировала мне весь ужас разрыва с моей единственной любовью в этом мире. Перед моим внутренним взором всплыл фрагмент нашего довольно жёсткого разговора перед расставанием с ней. Она мне сказала в расстроенных чувствах:

- Как ты можешь оставлять меня одну на два года?
- А что, ты не можешь два года прожить без секса?
- Нет, не могу, – сказала она.

– А сколько можешь?

– Два месяца.

– И как нам быть?

– Не знаю, тебе решать.

– Но твоя мама не хочет, чтоб я женился на тебе.

– При чём здесь моя мама?

– Ну как же? Она же твоя мать?

– Но я не собираюсь с ней жить вечно.

– Да, ты такая симпатичная девушка, можешь найти себе очень хорошего парня на это время, – я сказал ей это как бы в шутку, испытывая её, ожидая, что она на это ответит.

– Ты этого хочешь? – гневно спросила она меня.

Я промолчал, удивляясь сам своим словам. Как я мог ей сказать такое, да ещё перед нашим долгим расставанием? Я прикусил язык. В жизни иногда случаются моменты непонимания между очень близкими людьми. Если сразу же не объяснить в такие моменты, то они могут обернуться бедой. Иногда вылетят такие слова, и за них не расплатишься всей своей жизнью. Так и случилось со мной. Она резко повернулась и ушла. Оставалось несколько дней до моего отъезда, я пытался её найти, но безуспешно. Дважды, приходя к ней домой, я натыкался на холодный взгляд её матери, её не оказывалось дома. Я уехал, так и не попрощавшись с ней. После этого я её потерял окончательно. И вот сейчас, возможно, что они с этим парнем лежат в одной постели и предаются любовному экстазу.

От этой мысли у меня потемнело в глазах.

Я встал и побрёл к своей хижине возле огромного дерева.

К моему удивлению я увидел на поляне Натали, которая прогуливалась одна, без своего мужа.

– Наконец-то, – сказала она, – ты появился. Я тебя уже около получаса жду. Мой муж лёг спать, мы вчера вечером прилетели в Токио и тут же поехали на западное побережье, так что не спали всю ночь. Муж лёг спать, а мне с тобой нужно поговорить. Пойдём куда-нибудь в укромное место.

В противоречивых чувствах я потащил её именно туда, где только что предавался отчаянью. Она несколько не изменилась, стала разве что женственнее. Когда мы оказались возле плоского камня на уклоне горы, я неожиданно для себя обнял её, и моя рука заскользила, как обычно, туда, где были открыты для меня всегда двери. Она не отстранилась, покорная всем моим желаниям, как и раньше. Я расстегнул её джинсы и уложил её на камень. Мы опять соединились после семилетней разлуки.

– Почему ты меня предала? – спросил я, после того как мы, насладившись страстным единением, лежали, обнимая друг друга, на прохладном камне.

– Ты ещё спрашиваешь меня, после того, что я пережила?! – воскликнула она гневно. – Это ты меня предал, уехал на два года в самое трудное для меня время. Ты знаешь, что я воспитываю твою дочь?

– Как? – воскликнул я ошарашенно, сев на камне. – Какую

дочь? Почему я ничего о ней не знаю?

– Ты вообще-то и тогда ничего не хотел знать. Ты уже за-
был, как предложил мне найти хорошего парня на это время?

– Но я же пошутил тогда, решил просто проверить, что ты
мне ответишь.

– Вот и проверил, я тогда и воспользовалась твоим сове-
том, так как сразу после твоего отъезда обнаружила, что бе-
ременна.

– Но как же так! – воскликнул я.– Тебе нужно было тут
же дать знать мне.

– Как я могла дать тебе знать, когда не знала, куда тебе
писать.

– Но я дважды посылал письма на ваш адрес. И думал, что
ты на меня сердишься.

– Мама, наверное, уничтожала эти письма, ты бы должен
был это сообразить, и попытаться меня разыскать другим пу-
тём.

– Я этого не знал.

– Ты никогда ничего не знал, что касалось меня, – оби-
женно сказала она. – Когда мы гуляли в лесах, ты никогда
не брал завтраки и морил меня голодом.

– Но почему ты не говорила мне, что голодна.

– А ты не мог догадаться? Я тогда очень много стесня-
лась, не могла тебе сказать открыто всё, так как любила тебя
очень, и терпела.

– А сейчас ты меня любишь?

– Я воспитываю твою дочь, что тебе не понятно? Если бы не любила тебя, то сделала бы аборт. Но и родить без мужа тогда я не могла. Это такой стыд. К тому же я воспитана была очень строго. Когда ты уехал, я узнала, что беременна. Мне жить тогда не хотелось. Я не знала, что делать. Матери я признаться не могла. Я тогда работала в Интуристе, ходила как помешанная, не могла ни на чём сосредоточиться. А тут подвернулся он, вероятно, я ему понравилась. Он знал французский язык, и попросил заведующую отделом перевода закрепить меня за ним как переводчицу на всё его пребывание. Мы ездили по стране, он постоянно за мной ухаживал, а однажды случилось так, что я выпила немного лишнего, а утром проснулась с ним в одной постели. После этого он сделал мне предложение.

– И ты согласилась?! – воскликнул я, едва сдерживая свои эмоции.

– А что мне оставалось делать? Ведь я не собиралась делать аборт. Он и не знает, что дочь не его.

– Как ты её назвала?

Машей.

– Мэри Смит, моя дочь, ни разу не видевшая своего отца, и даже не знающая, что где-то в России живёт её папа, – мрачно сказал я.

– Ей шесть лет, скоро будет семь. Она очень похожа на тебя, такие же плечи, нос, губы. Даже цвет волос её не мой. Она светленькая, как ты. Я учила её русскому языку, так что

она довольно хорошо говорит по-английски и по-русски.

– И как ты спишь с этим Смитом?

– Я закрываю глаза и представляю тебя, и это помогает мне привыкать ко всему.

– Я убью его.

– Лучше убей меня. Он не виноват. Впрочем, семь лет назад ты уже убил меня.

– Ну как же так, – воскликнул я в отчаянье, хватаясь за голову. – Как так всё произошло? Как случилось, что я потерял тебя?

– Ты уехал, бросив меня. Если бы ты перед отъездом сделал мне предложение, ничего бы этого не случилось. Я бы дождалась тебя, если бы даже тебя не было десять лет.

– А как же наш разговор о сексе, когда я спросил у тебя, сколько времени ты можешь терпеть.

– Глупый ты, – сказала Натали, – был глупым, таким и остался. Я тебе это тогда и сказала, чтобы ты что-то предпринял. Если бы ты меня тогда любил, то нашёл бы выход.

– Но я люблю, всю жизнь любил, и сейчас люблю тебя ещё больше.

– И что?

– Оставайся со мной.

– Я тебя тоже очень люблю, но не могу потерять дочь, тем более, что она твоя. Сейчас всё это сложно. Я боюсь, что при разводе муж заберёт её себе, если даже узнает, что она не его дочь. Сделает это из принципа, как делают все американцы.

– Что же делать?

– Не знаю, раньше нужно было думать об этом.

– Я не хочу потерять тебя вторично.

– В нашем мире нет ничего безвозвратно потерянного. И ты не можешь меня потерять, потому что я люблю тебя. Ты был первым мужчиной в моей жизни, и останешься всегда моим единственным и любимым.

– Я бы убил твою мать за то, что она не дала нам соединиться.

– Причём здесь моя мать, тебе нужно только самого себя винить в том, то мы сейчас не вместе. Ладно, сейчас нам нужно думать, как дальше жить.

– Угораздило же тебя связаться с этим американцем. Кто он?

– Он здесь представляет НАСА. Довольно неплохой парень, умный, окончил Гарвардский университет. Работает на правительство, как говорят у них.

– Разведчик?

– Что-то в этом роде, но больше он – учёный. К России относится неплохо.

– Почему?

– Трудно назвать причину, может быть, из-за того, что я с ним.

От этих слов у меня опять перехватило горло.

– Когда я с ним познакомилась, ему было двадцать три года. Он немного младше тебя, и рано лишился родителей,

они погибли в авиакатастрофе. Его воспитывал дядя, один из богатейших людей Америки. Я с ним несколько раз встречалась, довольно благородный человек. Я подозреваю, что его дядя из масонской ложи.

– Миша, я так его называю...

– Зови его лучше Майкл при мне, – нервно перебил я её.

– Хорошо. Майкл с детства тоже изучал языки. Когда он со мной встретился в Интуристе, то скрыл, что знает русский язык. Признался мне после того, как я вышла за него замуж. Дядя воспитывал его довольно строго, навязывая ему свои стандарты мышления, но Майкл рано проявил свою независимость мышления и часто спорил с дядей, что того бесило, но спорил так, что вещи, которые он предсказывал вскоре происходили на самом деле. Так что твой соперник очень умный и обладает аналитическим умом.

– А что он здесь делает?

– Я ещё до конца не понимаю всей сложности его работы, но он проводит исследовательскую работу в Японии, связанную с установкой электронных ловушек рядом с большими деревьями. Работа эта засекречена, многих вещей он даже мне не говорит.

– Не доверяет?

– Не знаю. Американцы на русский не похожи. Если что-то нельзя нарушать, то они, не при каких обстоятельствах, не нарушат. Это у нас в России часто мужья делятся с жёнами секретами, а потом удивляются, что секреты просачиваются

на Запад. Но иногда он говорит мне такие вещи, которые, я думаю, должны храниться за семью печатями. И вообще, он имеет на многие вещи своё особое мнение, сравнивая Америку с Россией, высказывает очень интересные мысли о современном месте России в мире, такое не всем русским могут прийти в голову.

– К примеру?

– Как-то я была в гостях у его дяди, и он с ним заспорил об американско-российских отношениях, и высказал довольно оригинальные мысли. Так он говорил, что у Америки есть болезнь гигантомании и слабость к огромным масштабам. Что, якобы, многие американцы верят в то, что Соединённые Штаты захватили весь мир и стали мировым гегемоном, но, на самом деле, самой великой страной в мире можно считать только Россию. Потому что, во-первых, она географически имеет огромную цельную территорию, в несколько раз превышающую территорию Штатов, а не отдельные базы, разбросанные по всему миру. Так что завоевать эту территорию не удастся ни одному агрессору. В России настоящая суровая масштабность, истинное тысячелетнее владение землями с развитием на них своей культуры в очень продолжительный период. А это значит, что эта территория составляет единое целое со многими народами, живущими на ней, которые никогда не станут врагами России, так как Россия всегда проводила очень умную межнациональную политику. Во-вторых, межнациональный состав Росси таков, что опре-

деляющая нация всегда будет объединять вокруг себя все народы, а не дробить их, как это делается в Штатах. Могут быть временные конфликты, но общая тенденция добросердечия и сотрудничества всегда являлась основным принципом отношения русских к другим народам. И если лозунг американцев, как у римлян, разделяй и властвуй, то у русских – объединяйся и совместно процветай. Каждый народ в России имеет свои земли, объединённые с российской родиной. И родину старшего брата все будут защищать так же, как и свою землю. Сейчас, во времена перемен, эти земли временно отделились, но уже сейчас все опять объединяются в единый уникум под эгидой той же России. Так что России является самой могущественной страной в мире. И в-третьих, с политической точки зрения, Россия выигрывает на мировой арене как лидер, и отыгрывает у Штатов с каждым днём и годом всё больше и больше союзников, потому что Штаты, постоянно создавая очаги напряжения в мире, теряют все свои позиции и обречены на поражение. Закон диалектики. Сила, достигая своих пределов, переходит в свою противоположность – слабость. Американцы стараются любым способом добиться цели. Могут даже ради этой цели положить свою жену в постель противника, я говорю фигурально и имею в виду честь страны, её имидж и отношение к ней мирового сообщества, и часто приходят к обратному результату. Добившись цели, сами себя уничтожают в глазах всего мира. Так что рано или поздно Штаты сойдут с мировой арены, и

её место займёт Россия с новой более гуманной внешней политикой. Так что сейчас противостояние Штатов с Россией – не в пользу Штатов. Вот такие вещи он говорил своему дяде.

– Довольно оригинальные.

– Но ты не обольщайся, хоть он и принадлежит к новой когорте людей и старается как-то реабилитировать Штаты в глазах иностранцев, но всё равно он всегда останется американцем, и при всех конфликтах будет защищать интересы Штатов. Есть очень хорошая английская пословица, которая характеризует всю англосаксонскую нацию: «Если не можешь уничтожить противника, то задуши его в своих объятиях».

– А ты имеешь американский паспорт?

– Да, – ответила она, – но я имею также и российский. У меня двойное гражданство.

– И кем ты себя чувствуешь?

– Конечно же, русской, и всегда буду оставаться ею, защищая Россию. Гражданства могут меняться, а родина всегда остаётся Родиной.

– Значит, и я всегда остаюсь твоим единственным любимым мужчиной, раз я был у тебя первым? – спросил я без иронии, и даже с некой дрожью в голосе.

– Разумеется, – сказала она.

– Но как же ты после меня ляжешь опять к нему в постель?

– Я постараюсь в тот же день этого не делать. И вообще, не знаю, смогу ли я после этого иметь с ним какую-то близость.

Я обнял её и поцеловал в губы. Я понял, что вернул себе мою Натали.

Она посмотрела на часы и сказала:

– Нужно идти, а то нас потеряют, и заподозрят о нашей связи. Давай договоримся, пока я нашу дочь не перевезу в Россию, Майкл не должен знать, что мы любим друг друга.

– Хорошо, – я дал согласие.

Мы встали с камня и поодиночке вернулись к храму. Но прежде чем отправиться к отцу Гонгэ я её некоторое время побродил по лесу среди диких зарослей, приводя свои мысли в спокойное состояние.

Возле Храма на небольшой террасе был накрыт европейский стол, где сидело всё общество, пять человек, на стульях, чему я очень удивился. Раньше отец Гонгэ с монахами принимали пищу за маленькими столиками, сидя на дзабутонах – таких подушечках.

– Наконец-то, вы пришли, – радостно сказал отец Гонгэ, – извините, а то мы начали без вас.

– Это вы меня извините, – сказал я, – вот прогуливался с утра и забрёл в одну чащу, еле выбрался.

Я сел на стул рядом с американцем. Отец Гонгэ с Натали сидели по торцам стола, Мосэ и Хотокэ – напротив нас.

– Вы уже знакомы? – спросил меня отец Гонгэ.

Я пожал плечами.

– Мы видели господина Хризостома утром и поздоровались, – бойко вступил в разговор американец. – Поистине,

как говорят у нас, где появится американец, там сразу же возникнет и русский.

– Но если вы не можете нас уничтожить или задушить, то хотя бы обнимите, – резко сказал я, не глядя в сторону американца.

Американец рассмеялся и сказал:

– Ценю вашу шутку. Извините, я не хотел вас обидеть, а сказал это потому, что нас везде преследует один ваш соотечественник по прозвищу Синий Дракон – легендарная личность. Он уже долгое время живёт в Японии, и обрел здесь такие способности, что любой даос бы ему позавидовал. Кстати, вы его знаете?

– Нет, – сухо ответил я.

– С такими способностями хорошо быть разведчиком. А вы, случайно, не разведчик.

– Нет, – ответил я резко, и тут же спросил его, – а вы?

– Ну, что вы! – воскликнул американец. – Я простой учёный, и стою далеко от политики. А вот Синий Дракон мог быть бы разведчиком. Он умеет переноситься на расстояние, внезапно появляется и внезапно исчезает. Как он умудрился такому здесь научиться, а главное – у кого. Я тоже очень часто бываю в Японии, и даже подолгу живу здесь, но мне так и не удалось обрести здесь какие-либо экстраординарные способности. Вообще-то, я всегда преклонялся перед русскими, перед их талантами и способностями. Никто не добивается такого, чего добиваются русские, может быть, в силу их осо-

бой удивительной духовности. Самую лучшую литературу и музыку миру дали русские, ну, я здесь не упоминаю французов и итальянцем. Но во Франции кто может сравниться с вашим писателем Львом Толстым, а в Италии – с Чайковским? Всё время я бьюсь над тем, чтобы разгадать секрет феномена русских, и мне это не удаётся. Я слышал сегодня от отца Гонгэ, что вы тоже знаете много иностранных языков, как и я, но вот чтоб по шелесту листьев научиться узнавать будущее – это для меня недостижимо и непостижимо. Вы тоже являетесь феноменом непостижимости русских. Читаете Библию на немецком языке.

– Моя мать была немкой, а эта её библия осталась мне после её смерти. Я с ней нигде не расстаюсь.

– Извините меня великодушно. Я не знал. А вы считаете себя русским или немцем.

– Мой прадед был русским дворянином, а значит, дед и отец тоже. Кем же я могу себя считать?

– Понимаю, – улыбнувшись, сказал американец, – значит, тягу к иностранным языкам вы приобрели от своего дворянства. Я очень сожалею, что в Штатах никогда не было дворян, графов, князей. В этом мы, американцы, перед вами, русскими, выглядим как недоростки, или, точнее, как нация, неизвестно откуда взявшаяся со своей куцей историей и искусственно созданными своими социальными устройствами. Я завидую вашей стране, и иногда жалею, что не родился русским. Я знаю, что вы создали совершенную церковь. Право-

славие всегда стояло особняком от всех религий, а благодаря России, оно стало мировой религией. Религией будущего. Да-да, я в это искренне верю. И человечество никогда не сможет обойтись без Православия. Религия, вообще, необходима человеку, но религия разумная и совершенная. Ведь всё живое должно создавать свою матрицу, чтобы упорядочить хаос вокруг себя и создать некую оболочку для развития. Это должна быть, прежде всего, духовная оболочка, потому что именно дух формирует материю. Если дух не присутствует, то наступает разложение и загнивание. Религия, как проявление духа, не должна вмешиваться в политику, она должна стоять над человеком и над государством. И цель её – не направлять человека куда-то, а поправлять его, иными словами держать его в соответствующих рамках его развития. С этим лучше всего справлялось Православие, которое всегда являлось самой естественной религией. Её основные задачи и установления – соблюдения рамок, за которые человек не имеет права заходить, если не желает самоуничтожения. Католицизм всегда вёл религиозные войны, навязывал всем народам своё управление в мире, а сам внутри себя постепенно разлагался. Протестантизм в любых своих проявлениях старался разрушать установленные рамки, что, в конечном итоге, проводило к бездумной либерализации и достигло, в конечном итоге, своей кульминации в однополых браках, как результат попустительства и отхода от религиозных норм. И только одно Православие достойно держалось

в продолжение всей двухтысячелетней истории, и приносило народам спокойствие и любовь. Ислам всегда прибегал к фанатизму и ни в грош не ставил человеческую жизнь, отличаясь крайней нетерпимостью к другим религиям. Я думаю, что, в конечном итоге, ислам приведёт всех мусульман к уничтожению другими народами, что уже и началось.

– Вы имеете в виду Штаты, – заметил я, – которые сейчас ведут свои основные военные действия в мусульманских странах?

Американец улыбнулся и сказал:

– Не будем говорить об этом. Поговорим лучше о терпимости, но не той, которая не признаёт никаких рамок, а той, которая способствует взаимопониманию. Вот вы изучаете иностранные языки, и как я понял, очень хорошо ими владеете. Что вы чувствуете, когда говорите на чужом языке?

– Я ничего не чувствую, – признался я, – когда я говорю на языке, я даже об этом не думаю, я всегда слежу за своей мыслью, и стараюсь яснее донести её до слушателя.

– Вот именно, – обрадованно воскликнул американец, – со мной происходит то же самое. Слова и выражения не важны, важны мысли человека. Это нас всех объединяет. Но когда мы говорим на иностранном языке, мы как бы становимся сами носителем этого языка с его внутренней системой мышления. Мы преображаемся и становимся гражданами этой нации. Когда вы говорите по-немецки, вы становитесь немцем, когда говорите по-французски, становитесь фран-

кузом, по-английски – англичанином или американцем, а когда я говорю по-русски, то становлюсь русским, тем более у меня жена – русская, а значит, я – вдвойне русский, и, может быть, даже больше, чем американец.

Впервые, сидя за столом, я посмотрел в сторону Натали. Она побледнела. Мне хотелось схватить нож со стола и вонзить его в сердце этого нахального Майкла. Я даже представить не мог в своём воображении, как они лежат в одной постели, и он обладает ею.

– Поэтому, – продолжал он, – во всех нас заложены инструменты трансформации, когда мы понимаем суть чего-то, то сами становимся этой сутью. Все мы можем проникнуть в запредельное, я это понял здесь на Востоке, всё зависит только от нашего умения концентрироваться. Ведь всё живое обладает своей системой и своими рамками, в которых и функционирует эта система. Если мы научимся взламывать эти рамки, то сможем проникнуть в эту систему и обретем такие свойства, которые присущи этому живому и одухотворённому предмету, или вещи. Мы можем стать пчелой, муравьём, камней, птицей или деревом. Похоже, что вы уже взломали эти рамки и проникли в сознание и сущность дерева?

Вопрос предназначался мне. Я покачал головой и ответил:

– Не знаю, какие рамки я взломал, и в какую сущность я проник.

При этом я посмотрел на Натали, которая слегка покраснела.

– Я понимаю, – сказал американец, – многое мы не осознаём, особенно, когда проходим через что-то непонятное. Но если нам удастся одолеть какой-то предел и приобрести какое-то удивительное свойство, то глупо им не воспользоваться и не поставить это приобретённое на службу человечеству. Я предлагаю вам войти в нашу исследовательскую группу и помочь нам в разгадке некоторых тайн природы, а, может быть, и не самой природы, а неких существ, с которыми мы хотим установить отношения. Такой специалист, как вы, нам бы очень помог в нашей работе.

– И что же это за работа? – спросил я с интересом у американца.

– Это – секретная информация, но если вы согласитесь с нами сотрудничать, то я вам расскажу всё, что происходит последнее время в мире, и чем очень озадачено моё агентство НАСА. Практически я уже добился у отца Гонгэ согласия на сотрудничество с нами, и уговорил его монахов Мосэ и Хотокэ, которые тоже обладают способностями медиумов-проводников, судя по их рассказам, войти в нашу группу. Дело осталось за вами.

– Но позвольте, – возразил отец Гонгэ, – я не давал вам согласия на установку ваших электронных ловушек возле моего дерева, также, как не даю согласия на участие моих подопечных в вашем эксперименте.

– Но этого пока и не нужно, – сказал американец, – важно, чтобы вы согласились отпустить ваших подопечных с нами.

В это время я смотрел на Натали, которая слегка кивнула мне головой.

– Тем более, – продолжал американец, – вы согласились стать сами нашим консультантом, как изучающий птичий язык. Для нас это может стать очень важным оружием, когда начнут развиваться события.

– Ну, сказать, что я владею птичьим языком, было вы неправильно, – скромно заметил отец Гонгэ, – просто долгое время я наблюдал за жизнью птичек, и особенно занимался своими попугайчиками Чарли и Риччи. Некоторые наблюдения за ними дали мне основание полагать, что птицы несколько не глупее нас, а, может быть, и умнее. Я думаю, что все люди любят этих пернатых существ, потому что они напоминают нам об ангелах, спускающихся с неба. Святой Франциск тоже очень любил птиц, кормил их с рук и общался с ними. Он понимал их язык. А я так до конца и не освоил птичий язык. Смерть прервала жизнь Ричика. М-да, смерть – жестокая вещь. Она неминуема и приходит, когда мы её меньше всего ждём. А мы столько времени теряем попусту, растрчивая свою жизнь на всякую ерунду. А когда спохватываемся, то становится поздно. Что поделаешь, физическим бессмертием мы, простые смертные, увы, не обладаем. Это мы должны себе чётко уяснить, и никогда не забывать. Моменто мори! – как говорили древние римляне. И мы должны это помнить, и в каждую минуту нашей жизни сознавать, что сами творим свою судьбу. Я вот смотрю на своих

учеников, и постоянно думаю об их земном существовании. Ведь оно может быть коротким, если они не будут беречься, а начнут ввязываться во всякие авантюры, желая оставить о себе яркую память не только в моём сердце, но и в истории человечества.

Он с некоторой иронией и упрёком посмотрел в их сторону и продолжил:

– Они так желают спасти мир, что не думают о том, что могут быстро уйти в вечность, вместо их обычных углублённых занятий, чтений и раздумий. Им ещё так много нужно прочитать книг в моей библиотеке, а то последнее время занимаются совсем бессистемно, читают всё, что попадается им под руку. Не знаю, как я буду без них служить богине Каннон и бодхисатве Дзидзо. Открыто заявляю, что я недоволен тем, что они решили ехать с вами. Если я им надоел, то пусть они живут в своей хижине особняком от меня. Я не буду им мешать, также как и они мне. Только по утрам мы будем вместе в храме предаваться дзэнской практике созерцания «дзадзэн» (самадхи), сидя в зале мудрости в позе лотоса.

Монахи, слушая излияния старика, едва сдерживали улыбку. В конце концов, Хотокэ не выдержал и сказал настоятелю:

– Мы же поедem всего на две недели. Как только исследования закончатся, мы сразу же вернёмся.

– Этой ночью во сне мне явились мои попугайчики и пре-

дупредили меня, что с вами может произойти несчастье. И что лучше вам никуда не ездить, а оставаться здесь.

– А ещё что сказали вам попугайчики? – спросил его американец с улыбкой.

– Они сказали, что вся эта ваша затея с вашими ловушками закончится катастрофой.

Американец, не выдержав расхохотался.

– Но мы хотели бы через этот эксперимент найти истинные начала, – вставил своё слово Мосэ.

– Если вы хотите найти истинный начала, то почитайте свитки второй половины семнадцатого века «Когансёдзё» – «Предисловие к запискам наглеца» священника Кэйтю. Он там пишет: «Если стремиться найти истинные начала, то они существуют только в поэзии Ямато».

– Вот и прекрасно, – сказал американец, – ваши монахи не только найдут истинные начала в этих свитках, но и извлекут их из нашего эксперимента.

– Я ещё не дал своего согласия, – твёрдо заявил отец Гонгэ.

– А когда вы его дадите? – настаивал американец.

– Пока не знаю, – ответил тот.

Наступила неловкая тишина. Американец повернулся ко мне и спросил:

– Ну а вы как же? Решили участвовать в нашем эксперименте, или вам нужно посоветоваться с вашим правительством?

– Не с кем мне советоваться не надо, – сказал я сухо. – Я сам по себе.

– И что вы решили?

– Я согласен.

– Вот и прекрасно! – воскликнул американец. – Раз дело складывается таким образом, то давайте поступим так. Мне нужно срочно выехать в Токио и уладить там кое-какие дела. Если вы, отец Гонгэ, не возражаете, то моя жена поживёт у вас несколько дней и поработает в вашей библиотеке, найдет материалы, касающиеся вашего храма и этого дерева. И если вы разрешите своим подопечным участвовать в эксперименте, то моя жена с ними и русским выедут туда, куда я сообщу телеграммой. Деньги на их поездку я перешлю. Вы согласны?

– Да, конечно, – ответил отец Гонгэ, – пусть ваша супруга живет здесь, сколько нужно, и пользуется библиотекой.

– Вот и прекрасно, – воскликнул американец и посмотрел на часы, – а я, наверное, успею на поезд до Ниигаты, а там пересяду на самолёт до Токио.

У меня приятно засосало под ложечкой от предвкушения того, что несколько дней мы сможем находиться с Натали вместе, и нам никто не будет мешать.

Американец встал из-за стола, Натали тоже встала. Встали и мы.

– Пойдём, поможешь мне собраться, – сказал он Натали, и они, поблагодарив настоятеля за угощение, спустились с

веранды.

Монахи принялись убирать посуду со стола, а мы с отцов Гонгэ вошли в храм.

– Зачем вы сказали американцу, что я слышал предсказание в листве вашего дерева, и что я владею языками? – спросил я его с недовольным видом.

– Вы уж простите, – стал извиняться он, – но эти американцы ведут себя у нас, как дома. Я думал, что, сказав это ему, и указав на вашу заинтересованность деревом, я остужу его пыл, но ничего не вышло. Он даже вас уговорил работать с ним. Сейчас он будет жать на меня со всех сторон, чтобы я дал разрешение установить здесь их чёртову ловушку. Всё это мне очень не нравится. Да ещё моих монахов соблазнил перспективой проехать по стране. На них я очень зол, не ожидал, что они так легко согласятся.

Я видел, что отец Гонгэ несколько рассеян и находится в расстроенных чувствах, и пытался его как-то успокоить, но это не помогло, и я, оставив его в покое, вышел из храма и тут же встретил американца с рюкзаком, направляющегося к тропинке, ведущей в долину.

– Как замечательно, что я вас встретил, – сказал он. – Вы хорошо знаете эту местность? Если вы меня немного проводите, то не заблудитесь, возвращаясь?

– Нет, – ответил я, – а разве вы не хотите со всеми проститься?

– Времени нет. Да и здесь остаётся моя жена, как бы офи-

циального расставания ещё нет, к тому же, нам могут помешать говорить, если пойдут меня провожать.

Мы стали спускаться по узкой тропинке в долину. Он шёл впереди и разговаривал со мной через плечо, успевая смотреть под ноги.

– Раз вы согласились со мной сотрудничать, то я могу открыть вам некоторые секреты. Я не беру с вас подписку о разглашении тайн, потому что вы не являетесь гражданином моей страны, но настоятельно прошу вас не делиться ни с кем информацией, которую я вам расскажу. Я допускаю, что вы работаете здесь на своё правительство, поэтому вы должны являться профессионалом, а значит, знаете, как беречь тайну. Возможно, что в скором времени нам придётся сотрудничать с вашим правительством по этим вопросам, так как ситуация выходит из-под контроля. Дело в том, что НАСА через эти ловушки решило установить контакт с тонкими сущностями, проникающими последнее время в наш мир. Проникновенье идёт настолько интенсивно, что впору его назвать вторжением, а всем нам объединяться, чтобы противостоять этому проникновению. Думаю, что вы здесь исполняете ту же миссию, что и я. Можете мне ничего не говорить.

– Так в чём суть проблемы? – спросил я озадаченно.

– Дело началось с того, что я как-то познакомился с одним членом императорского фотографического общества господином Ягисита Хироси, который фотографировал по стране самые старые в Японии деревья. А затем издал альбом с их

иллюстрациями. Он фотографировал их в разное время суток и в разных режимах выдержки, и обратил внимание на то, что у него при съёмках стало получаться много брака, и объяснить этого он никак не мог.

Сняв со спины рюкзак, он вынул из него небольшой фотоальбом и показал мне. Мы спускались по довольно крутому уклону, и я успел прочитать только первую страничку предисловия к снимкам фотографа. Там значилось:

«Наша родина Япония облагодетельствована природой, которая одарила её обильным зелёным покровом и богатством смены четырёх времён года. По сравнению с Европой, где преобладает культура строительства из камня, мы воспитаны на культуре дерева и не стараемся покорять природу, сознавая её покровительство и благодеяние, и, можно сказать, умело с ней сосуществуем. Сейчас, когда раздаются крики, что на земном шаре наступает кризис уничтожения лесов, хотелось бы, чтобы в нашей жизни больше придавали значения гармонии с природой и пересмотрели свои взгляды по отношению к ценности лесов...»

– И что дальше? – спросил я его, небрежно пролистав альбом и возвратив его американцу.

– На многих фотографиях, особенно старых деревьев, он обнаружил некие разводы различных цветов, свечения, а также выбросы туманной субстанции от стволов и кроны деревьев. Как будто какая-то энергия исходила от них. Так как он служил в министерстве лесного, водного и земельного хо-

зьяйства, то он показал эти снимки учёным, а те заинтересовались этим феноменом и привлекли нас. Мы тут же ухватились за это непонятное природное проявление неизвестной нам энергии и установили электронное оборудование возле этих деревьев, которое начало фиксировать разные воздействия на приборы. Не буду вдаваться в технические детали, скажу лишь, что деревья источали из себя не только неизвестную нам энергию, но и выпускали некие бестелесные сущности, состоящие из сгустков энергии и тонкой материи. До сих пор мы не находим объяснения этому феномену. Некоторые сущности пытаются войти с нами в контакт, но мы не понимаем их системы коммуникации, иными словами, их языка и способа общения. Поэтому для нас будут очень важны ваши знания и умение. Дело в том, что дерево – это корень жизни и начало всего живого. Здесь, на Востоке, существует особое отношение к миру в силу специфики их отличающегося от западного мышления и неких собственных философских установок. Как вы знаете, в их философии существует пять элементов: огонь, вода, дерево, металл и воздух. Так вот, огонь, вода, воздух и металл создают жизнь в форме дерева, растительности, флоры; а флора порождает фауну – всё движущееся живое. Флора – это то, что имеет корни и место своего постоянного обитания. Дерево – это царь растительности, также как человек – царь фауны. Вот такая выстраивается цепочка и иерархия на земле. Дерево и человек связаны тесными узами меж собой, но каж-

дый имеет свои природные особенности. На земле они являются венцом развития природы. Человек развивается в движении, а дерево – в покое. Так что каждый из двух этих венцов занимает два противоположных состояния. И каждый, извлекая из этих состояний свои преимущества, достигает превосходства над своей противоположностью. Как мы знаем, всё живое развивается благодаря своей памяти, а накопление памяти дерева и человека разнятся. Память в живом организме является своего рода хранилищем информации, где полученная информация постоянно анализируется и создаёт предпосылки для дальнейшего развития. За память у человека отвечает мозг с его извилинами, а у дерева – ствол с его кольцами. Чем больше извилин, тем больше объём памяти, чем больше колец, тем объёмнее информация. Человек за свою короткую жизнь, не успевает проанализировать всю информацию, собранную им в себе, у дерева же срок жизни намного дольше, и информация за этот период анализируется так тщательно, что создаётся своеобразный уникам времени, где прошлое, настоящее и будущее сливаются в едином продолжении. Поэтому деревья способны предсказывать будущее и вещать о прошлом, ибо передача памяти у них существует такая же, как и у человека. Кольца дерева хранят память не только столетий и тысячелетий, но и связаны с будущим ростом, и знают о будущем больше человека. Все комбинации воды, огня, воздуха и металла соединены в памяти дерева. Может ли дерево говорить? Естественно че-

ловеческим языком оно говорить не может, но, я думаю, оно способно силой своей энергии и внушения передавать свои мысли другим живым существам. Шелест листьев говорит вам что-то? Вот это и есть язык дерева.

Майкл остановился на небольшой полянке и посмотрел на струящийся между камней ручеёк.

– Мы многого ещё не знаем о природе, – глубокомысленно заявил он, – мы не в состоянии понять, как дерево устанавливает контакт с источниками всякого движения, как оно получает энергию, только ли от солнца, и как эту энергию трансформирует и передаёт дальше. Дерево может черпать информацию из воды, огня, металла, воздуха, в конце концов, даже от живых существ. Деревья сами по себе являются антеннами между землёй и небом. Кстати, я рассматриваю металл как минерал, землю – как лаву, а воздух – как эфир или космос. Мы, занимаясь наукой в Штатах и России, я считаю, упускаем главное – общее виденье мира, выстраивая наше научное восприятие мира из частичек, как бы собирая мозаику общего, и поэтому все наши знания дробные, осколочные и частичные, избыточные ненужными мелкими деталями, которые застилают от нас целое – общую картину мироздания. Наука давно уже потеряла монументальность, если вообще когда-то её имела. В науке много посредственностей. Каждый учёный занимается какой-нибудь маленькой проблемкой, разрабатывает свою общину, как говорят ещё в научных кругах у нас. Из-за узкой специализации

мы теряем общие виденье проблем. Но сейчас я хочу сказать о другом. У нас мало времени. Главное для нас всех сейчас – это понять, что за сущности проникают в наш мир? Как они могут влиять на нас? И какие изменения произойдут в будущем. Для этого мы все на земле должны объединиться перед вторжением в наш мир чего-то чуждого.

– Что вы имеете в виду.

– Это уже совсем секретная информация, о которой я не должен вам говорить, но скажу, потому что, сотрудничая с нами, вы должны знать всё. У нашего правительства состоялся контакт с чужаками, я не могу подобрать другого слова, потому что их нельзя назвать инопланетянами, ибо они уже давно присутствуют на нашей планете, скрываясь от нас под водой и под землёй. Очень скоро к земле прибудет их огромное представительство, что это будет, корабль, планета или сгусток космической энергии, мы не знаем. Возможно, что выброс этой энергии уже идёт от этих деревьев, которая начинает влиять на нашу жизнь. Я думаю, что и ваше правительство находится в курсе этих последних событий. Поэтому мы все должны объединить наши усилия и забыть о наших мелких разногласиях.

– Но почему такая секретность? Почему кроме нас об этом никто ничего не знает?

– Но вы же не хотите, чтобы раньше времени в мире возник коллапс. Тем более вы, представитель духовенства, тогда все наши базисные и настроечные установки полетят к

чёрту. Ведь религия создаёт рамки внутри космического хаоса, обустроивая духовную территорию для комфортного существования. Это же философия стремится разрушить все рамки, что, кстати, и успешно делает. Этим религия и философия отличаются друг от друга, и они всегда будут идти вместе, рука об руку, дополняя друг друга. Человек хочет быть в безопасности в своей комнате, но страстно желает выглянуть в окно, чтобы узнать, что же творится в мире, но ему обязательно нужна твердь, на которой он мог бы стоять. Знаете, как у Германа Гессе:

Ведь если мы допустим на минуту,

Что за поверхностью зияют бездны,

Возможно ль будет доверять уюту,

И будут ли укрытья нам полезны.

Будь кроме двух, знакомых нам извечно,

Какие-то другие измеренья,

Никто, твердят, не смог бы жить беспечно,

Никто б не смог дышать без опасенья.

Майкл, процитировав стихи поэта, опять посмотрел на часы и сказал:

– Извините, мне надо торопиться, а то я опоздаю.

Он по-японски поклонился мне и добавил:

– Не обижайте мою жену и присмотрите за ней. Впрочем, она женщина очень самостоятельная и может за себя постоять.

Он повернулся, и, ускорив шаг, стал спускаться по склону горы, а мне захотелось дать ему такого пинка, чтобы он кубарем катился до самой долины.

Я поднимался по тропинке к храму и думал только о встрече с Натали, в эту минуту меня мало интересовал весь мир с его проблемами. Несмотря на жуткую ревность, я в какой-то степени был ужу счастлив от предвкушения встречи с моей возлюбленной.

Я нашёл её в библиотеке отца Гонгэ. Она, развернув пожелтевший от времени свиток, читала на старо-японском языке записи настоятелей этого храма, сборник с названием «Роккакурон» – «Учение шести углов». Накануне я тоже обратил на него внимание, но времени просмотреть его так и не нашёл.

– Ну что, проводил моего мужа? – спросила она с улыбкой, повернувшись ко мне. – Он мне поручил, чтоб я к тебе пригляделась.

– Я мне он сказал, чтоб я о тебе позаботился.

– Но так в чём же дело? Идём, будешь заботиться обо мне, – рассмеялась она, вставая.

Мы вместе отправились к нашему заветному камню на уклоне горы, где провели время в объятиях друг друга до самого вечера. Тем временем в храме развивались события следующим образом:

С отъездом Майкла жизнь в храме приняла свой обычный размеренный ход. Время текло медленно и лениво. Монахи так же лежали во дворе храма, прячась от жары в тени дерева и борясь с послеобеденной дремой, и опять вели неторопливый разговор, который обычно заканчивался храпом обоих монахов.

Мосэ, лежащий на веранде хижины, смахнул рукавом выступающий на лбу пот и спросил брата Хотокэ:

– Что ты думаешь об «Учении шести углов»?

Тот, лежащий прямо на траве в тени дерева, потягиваясь и зевая, ответил:

– М-да, много загадок у истории, ответы на которые канули в Лету вместе с ушедшими поколениями. Во втором году правления императора Тэммэй (в 1782 году по европейскому летоисчислению), когда по всей стране проходил погром чертей, храм Роккакудзи был сожжен, потому, как писалось в летописи, что его настоятель оказался чёртом. Он был одним из подручных главного бессмертного Чёрта, обитавшего тогда на горе Ояма в префектуре Тоттори. Все документы, касающиеся «Учения шести углов» сгорели, но последую-

щие настоятели по памяти вроде бы восстановили его, правда, я очень сомневаюсь, что вспомнили они всё, что было в нём изложено ранее. Ты же читал этот свиток у отца Гонгэ, но мне кажется, что он знает больше, чем там изложено. Может быть, где-то он хранит копию той старой рукописи, и никому её не показывает.

– Зачем это ему?

– Мало ли что в ней изложено, не всегда некоторые тайны полезны и пригодны для раскрытия.

– Я слышал, что сожжение храма Роккакудзи принесло Японии несчастья, – заметил Мосэ, – в ноябре следующего года после пожара произошло большое наводнение на реке храма Великая Святость (Дайсейдзи-гава), а ещё через год случился большой неурожай, и умерло много крестьян от голодной смерти.

– Припоминаю, читал об этом в летописи, – заметил Хотокэ, – это именно то время, когда начался разброд в нашей святой вере. На следующий год после смерти императора Тэммэй произошёл раскол между Старыми и Новыми храмами секты Истинного учения Синсю. Раньше наши предки ссылались на то, что все несчастья происходили от чертей, но когда все черти были выгнаны из страны, то несчастья не прекратились. Может быть, причина всего того была не в чертях, а в наших предках?

Мосэ ничего ему не ответил.

Хотокэ, согнав с руки проворного паучка, продолжил:

– Чаще всего так оно и бывает. К тому же до сих пор неизвестно, кем были эти черти. До начала эпохи Мэйдзи японцы всех европейцев считали чертями с длинными носами. Матери пугали своих маленьких детей: «Вот будешь плакать, придёт чёрт и утащит тебя за море в своём огромном кармане».

– Почему в кармане? – удивился Мосэ.

– Так ведь до иностранцев у нас не было карманов, это они придумали карманы, пуговицы, носовые платки и много всякой другой ерунды, которой мы сейчас пользуемся повседневно.

Мосэ рассмеялся.

– В твоих рассуждениях есть здравый смысл, но всё же кое-что здесь не сходится. С приходом к власти сёгуната Токугава началась эпоха закрытых дверей для всех иностранцев. Откуда иностранцы могли взяться в нашей стране, если никто из них не смог бы проникнуть вглубь страны даже на один километр?

– Но ты забываешь, что этот народ мог появиться намного раньше прихода португальцев, испанцев и голландцев.

– И кем же были эти иностранцы?

– Евреями.

Мосэ почесал затылок и улыбнулся.

– Ты хочешь сказать, что Япония во второй год правления императора Тэммэй изгнала из Японии евреев?

– Вот именно.

– Говоришь ерунду.

– И совсем даже нет. Обратимся к истории. В пятнадцатом веке испанцы освободили страну от мавров и изгнали евреев. Куда они могли деться?

– Переселились в Японию? – спросил с иронией Мосэ и улыбнулся.

– Евреи уже жили здесь с незапамятных времён, – ответил Хотокэ. – Есть такое предание, что двенадцатое колено израилюво исчезло где-то на Востоке, и его никто не мог отыскать.

– И когда это произошло?

– Никто этого не знает. Так что евреев часто изгоняли из своих стран те, которые опасались конкуренции с ними. Поэтому евреи всегда старались быть незаметными, приспосабливались к культуре того или иного народа, и, сохраняя свою культуру и сущность, становились как бы невидимыми. Ты же знаешь, китайскую поговорку, если хочешь спрятать вещь, то спрячь её в самой себе. Возможно, что они постигли секрет становления невидимыми. Кстати, именно таким секретом и обладали те черти.

– Ты хочешь сказать, что их изгоняли отовсюду до тех пор, пока они не превратились в невидимых чертей?

– Вот именно. А, может быть, на наши острова они вообще проникли в виде невидимок.

– Каким же образом?

– Первое столкновение с ними описано ещё в сказке о

Момотаро. Помнишь, как Момотаро нанял за кусок лепёшки Обезьяну, Фазана и Собаку, и вместе они вторглись на остров главного Чёрта, разгромив всё его войско. Тому пришлось, спасая свою жизнь, откупаться подарками.

– Но это же сказка.

– В любой сказке есть доля истины. Но вот только истину нам никогда не узнать.

– Почему же? – удивился Мосэ, повернувшись на бок. – Если задаться такой целью, то всё можно разузнать.

– И как ты собираешься сделать это? – спросил Хотокэ и, разинув челюсти, зевнул.

– Отправлюсь на поиски правды, как это делают бродячие монахи, пытающиеся обрести истину.

– Тогда не забудь захватить с собой обезьяну, собаку и фазана, о которых говорится в сказке, иначе тебе не осилить чертей.

– Вчера я видел Ангела смерти, который предрёк через сорок дней конец света, – молвил Мосэ.

– Конец света – это печально, как сказано в трактате «Удзисию». Последний раз Конец света ожидался в 1052 году, но он так и не наступил, – молвил Хотокэ и через минуту его храп уже заглушал стрекот сверчков.

Некоторое время Мосэ смотрел на своего спящего товарища, а затем перевёл взгляд на ствол дерева, испещрённый мелкими трещинками, и думал о своём незавидном положении в обществе.

Ещё в те времена, когда жил Кэнко Хоси, в своих «Записках от скуки» он писал, что никого нет незавиднее монаха. Оттого что бонзы галдят во всю мочь, внушительными они не выглядят. А поэтесса Сэй-сёнагон вообще была о монахах невысокого мнения. Она заявляла, что в глазах людей монах подобен чурбану. С одной стороны, монах должен был отказываться от всех соблазнов мирской жизни и быть примером духовной чистоты для всех мирян, но с другой стороны, он тоже был живым человеком, и в глубине души ничто человеческое не было ему чуждо. Даже мудрец Дога замечал, что жажда мирской славы не соответствует учению Будды, но и у праведного отшельника есть, какое-то заветное желание. У Мосэ тоже было своё заветное желание. Единственное, что его беспокоило после сообщения Ангела смерти, — успеет ли он реализовать его в жизни. Его совсем не беспокоила мысль, что вскоре он должен умереть. Нет, о своей жизни он не печалился, но вот смерть других живых существ его беспокоила.

Уж если миру отпущено всего сорок дней, подумал он, то стоит ли печалиться о своей безвременной кончине. Древние полагали, что, если бы наша жизнь продолжалась без конца, ни в чём не было бы очарования. В мире замечательно только непостоянство. Как говорил Кэнко Хоси, «посмотришь на живущих — нет никого долговечнее человека. Есть существа вроде подёнки, что умирают, не дождавшись вечера, и вроде летней цикады, что не ведаёт ни весны, ни осени. Достаточ-

но долог и год, если его прожить спокойно. А если жалеешь, что не насытился жизнью, то и тысячу лет прожив, будешь испытывать чувство, будто это был сон одной ночи. Что станешь делать в мире бесконечной жизни, дождавшись, когда облик твой станет безобразным. «Если жизнь длинна, много примешь стыда». Поэтому лучше всего умереть, не дожив до сорока лет». Поэтому, какая разница? Сорок дней можно прожить также и как сорок лет. Всё проходит как мимолётный сон. Но мир, где мы живём, должен остаться после нас...

Глаза Мосэ начинали слипаться, его явно клонило ко сну. Глядя на орнамент переплетающихся ветвей кроны дерева, Мосэ то открывал глаза, то закрывал. Мысли путались, его охватывала дрема. Вдруг среди листвы дерева что-то зашелестело, как будто горячий ветерок пробежал по его верхушке, и рядом с ним свалилось на землю что-то мягкое, как будто яблоко упало на траву. Мосэ протёр глаза и сел. Недалеко от него, на том же месте, где вчера стоял Ангел Смерти, сидел молодой человек европейской наружности и держал в руке сломанный сук дерева. Мосэ смотрел на свалившегося с дерева человека с нескрываемым удивлением.

– Да кто вы такой? Откуда взялись? И что вам здесь надо? – спросил он его.

Чужеземец рассмеялся.

– Да вот, – признался тот добродушно, – свалился от храпа вашего товарища. Уж очень у него самозабвенно это получается.

Они оба посмотрели на спящего Хотокэ и улыбнулись.

– А что вы делали на дереве? – спросил Мосэ.

– Смотрел на храм Роккаудзи. Я здесь не был уже более ста лет.

– Так долго не живут, – заметил Мосэ.

– Заблуждаетесь, – ответил тот серьёзно. – Я знаю людей, возраст которых уже более двух тысяч лет.

– Назовите мне хотя бы одного.

– Чужестранец посмотрел на толстый ствол дерева кэяки, на ветку, которую продолжал всё ещё держать в руке, затем, отбросив её в сторону, спокойно ответил:

– Ну вот, хотя бы, возьмём человека, который посадил это дерево.

– Вы его знаете?

– Его зовут Онмёо-но-ками – Повелитель Светлого и Тёмного пути.

– Но этот человек умер полторы тысячи лет назад и похоронен под этим деревом.

– Опять ошибаетесь, милейший, – сказал чужестранец и рассмеялся. – Человек, обладающий секретами бессмертия, не может умереть.

– Но об этом дереве есть одна легенда, – возразил ему Мосэ.

– А вы не верьте легендам, – посоветовал европеец.

– Может быть, поверить вам? – иронично спросил его Мосэ.

– А почему и нет? – ответил вопросом на вопрос тот.

– Ну, знаете ли, – возразил монах, – чтобы поверить вашим словам, нужно поменять все наши представления об этом мире. У нас, конечно, есть свои взгляды на вещи. Мы тоже верим в чудеса, но объяснимые с нашей точки зрения.

– В этом мире всё объяснимо, – просто ответил ему пришелец.

– Тогда как вы объясните то, что погребённый под этим деревом человек вдруг ожил и продолжает жить?

– У вас есть свидетели, что его погребли там?

– Так говорят.

– Не верьте всему, что говорят. Этот человек никогда не умирал. Зовут его ещё Красная Птица, и прибыл он с юга.

– С индонезийского архипелага?

– Возможно. С ним я познакомился в Киото во второй год правления императора Тэммэй. Можно сказать, в год разрушения этого храма, который принадлежал чертям. С этого времени прошло уже более двухсот лет.

– Вы хотите сказать, что храм Роккакудзи принадлежал чертям? – воскликнул Мосэ.

– Так мне сказал Развалившийся Сонный Будда – «Канбэ-но-син-сяка» из храма Тэнкакудзан-рёкодзи (Сияния Дракона на горе Небесного Болота), что находится недалеко от порта Сироко.

Мосэ не знал, что и подумать, до такой степени весь этот разговор казался ему неправдоподобным.

– Так вот, – продолжал между тем тот, – я познакомился с Повелителем Светлого и Тёмного Пути – Онмёо-но-ками в то время, когда он имел в Киото на улице Умэкодзи (Сливовой улочке) в доме с названием Цути-микадо (Врата Земли) астрономическую обсерваторию и лабораторию по производству пилюль бессмертия. Одну из таких пилюль проглотил я и обрёл бессмертие. Но должен сказать, что одну из пилюль бессмертия, которая готовилась тогда для стареющего сёгуна Токугава, украл и разделил со своим подручным Тора (Тигр) главный Чёрт, которого звали ещё Абурауси (Жирная Корова) или Золотой Телец. В результате этого, стареющий сёгун Токугава умер. Тора обрёл бессмертие и стал родоначальником японской мафии «якудза». А Абурауси, этот черт в обликии быка, и так обладал бессмертием, выпив же пилюлю бессмертия, приобрёл такую потенцию, что через двадцать лет чертей по всей Японии расплодилось видимо-невидимо. И тогда Будда Канбэ-но-син-сяка приказал мне очистить от них эту землю. Так я приступил к исполнению завета Будды и изгнал чертей из всей Японии, а храм этот сжёг.

– Вы рассказываете какие-то фантастические вещи, – усомнился Мосэ.

– А вы плохо знаете историю Японии, молодой человек, – парировал чужестранец и продолжил, – время от времени я посещаю этот храм и, сидя в густой листве этого дерева, предаюсь воспоминаниям о прошлом.

– Значит, вы утверждаете, что это вы двести лет назад сожгли этот храм и прогнали монахов, проповедующих «Учение шести углов»? – с неприязнью в голосе спросил пришельца Мосэ.

– Не я лично, а мои подручные – Обезьяна, Собака и Фазан. Я лишь отдавал распоряжения. А вот сейчас я наблюдаю, как храм возрождается, а его настоятель преуспевает. Как видно, прихожане не скупятся на пожертвования. Вот и вы, монахи, живущие в этом храме, такие упитанные и раздобревшие, проводите здесь время в лени и безделье. Днём дрыхнете, да так что от вашего храпа можно свалиться с дерева. Что же вы делаете по ночам?

– Ночи мы проводим за чтением сутр. Кстати, по вашей милости вместе с храмом сгорели сутры «Учения шести углов» и нам приходится проповедовать учения других сект. Вы хоть знали, что это было за учение?

– Понятия не имею, да и такой цели передо мной не ставилось? Вообще-то, я – русский и прибыл сюда из Сибири, здесь я прошёл причащения к вечным тайнам и обрёл бессмертие, получив имя Синий Дракон. Дремлющий Будда после моей инициации в сонме небожителей, дал мне задание истребить всех чертей в Японии, что я и сделал.

– И куда бежали черти?

Чужестранец пожал плечами, почесал затылок и, подумав, заметил:

– Насколько я знаю, все они от наших притеснений бежа-

ли из крупных городов. Но мы прочесали и сельскую местность. И вот тогда они, почувствовав, что им не будет от нас житья, решили бежать из страны. На западном побережье они мастерили плоты, захватывали торговые корабли купцов и отправлялись через Японское море в Корею, где расселились в провинциях Кёнсан, Чхунчхон и Чола. В горах, вблизи города Тэгу, они даже построили свой Замок Чертей, конструкция которого очень напоминала разрушенную крепость на горе Ояма. И как писали летописи, часто вздыхая, они с ностальгией устремляли свои взоры на восток. Многие из них отправились путешествовать в Китай, Среднюю Азию и Европу, где неплохо устраивали свою жизнь и даже служили при дворах европейских монархов. Некоторые из них устраивали свои поселения на Святой Земле. А вот где искать их следы в Японии – ума не приложу.

Некоторое время чужестранец и Мосэ молчали.

Вдруг пришелец стукнул себя ладонью по лбу.

– А что мы головы ломаем? Следы их можно отыскать на западном побережье Японии в префектуре Тоттори на горе Ояма, которая имеет высоту 1729 метров. Там у них располагался Замок Чертей. Он так и назывался Они-но-сиро. Вам надо отправиться туда и покопаться в его руинах. Может быть, какие-нибудь свитки вы и найдёте в катакомбах крепости. Ведь прошло-то всего чуть больше двух сотен лет. Правда, там был пожар, и крепость была разрушена до основания. Но я думаю, что-нибудь там осталось.

– А вы не поможете мне разыскать людей, которые могли бы что-то знать об «Учении шести углов», или хотя бы вспомнить о том времени, когда наш храм проповедовал это учение?

Синий Дракон задумался, почесал затылок, потом посоветовал:

– Прежде всего, вам нужно разыскать Повелителя Светлого и Тёмного Пути учителя Онмёо-но-ками. У него мудрая голова, и я думаю, что он многое может прояснить.

– А где его можно найти?

– Когда-то он преподавал в канадзавском университете, но последнее время, я слышал, он увлёкся ботаникой и собирался устроиться на работу в ботанический сад на южном побережье острова Кюсю в местечке Ибусуки. Так что, ищите его на юге. Знаете, как у нас, небожителей, говорят: Красная Птица обитает на Юге, Чёрный Воин – на Севере, Белый Тигр – на Западе, а Синий Дракон – на Востоке.

– Синий Дракон – это вы?

Чужеземец кивнул головой.

– И где же вы обитаете на востоке?

– В разных местах. Но чаще всего в Киото, Осака и Токио. Я веду кочевой образ жизни. У меня есть свой цирк, натягиваю палатку возле какого-нибудь большого города и даю представления для детей вместе с моими артистами Собакой, Фазаном и Обезьяной. Кстати, Обезьяна пишет неплохие стихи и сценарии. Кроме цирковых представлений мы

устраиваем ещё и театральные спектакли. Если будете в наших краях, милости прошу.

– Спасибо. А чем занимается Чёрный Воин и кто он такой?

– В данный момент он находится на северном побережье острова Хоккайдо и пытается отвоевать у русских Курильские острова. Ходят слухи, что он под именем маркиза Треножника строит Небесную империю. Но на самом деле, он является одиннадцатым князем Маэда Харунага, другом учителя Онмёо-но-ками, который и подарил ему пилюлю бессмертия и сделал небожителем. Однако, я слышал, что после второй мировой войны они рассорились и прекратили всякое общение.

– Вам, как я понимаю, Онмёо-но-ками тоже подарил пилюлю бессмертия? – заметил с улыбкой Мосэ.

– Не совсем так, – ответил с некоторым смущением Синий Дракон, – эту пилюлю у профессора я проглотил по ошибке, думая, что принимаю яд. Был у меня такой период в жизни.

– Значит, Белый Тигр живёт на Западе. А где живёт Абурауси – Толстая Корова? И чем они занимаются?

– Белый Тигр – Тора живёт в Канадзаве и заправляет всей торговлей подержанных машин с Россией. Его организация имеет тесные контакты с русской мафией, через них он поставляет в Японию русских девушек для публичных домов. Абурауси имеет банк в Токио в район Синдзюку и родовое поместье недалеко от столицы. У него есть красавица дочь.

– Значит, вы хотите сказать, что пять бессмертных небожителей живут сейчас в Японии? И одним из них являетесь вы? – спросил Мосэ и улыбнулся.

– Ну, да, – ответил ему Синий Дракон.

– Признаюсь, в Японии я встречался с долгожителями, которым было более ста лет, но впервые вижу перед собой небожителя. Тогда у меня возникает вопрос, почему вы живёте ни на небе, а на земле?

– Ну, во-первых, во всей Вселенной нет лучше места, чем земля. Во-вторых, нас небожителей, не пятеро, а шестеро. Вы забыли о Летающем Зайце, который сейчас живёт на луне, и занимается изготовлением пилюлей бессмертия. Время от времени он спускается на землю, чтобы набрать смолы с камфорных деревьев для своих снадобий, а также встретиться со своими друзьями.

– Вот как? – удивился Мосэ. – Значит, можно ещё где-то купить пилюли бессмертия?

– Не совсем так, – ответил Синий Дракон, – Летающий Заяц не продаёт эти пилюли людям.

– А кому он продаёт?

– Он никому их не продаёт. Не всё покупается в этом мире.

– Но для кого-то ведь он их делает? – удивлённо спросил Мосэ.

– Да, конечно, кое для кого он их делает, – ответил Синий Дракон и вдруг, посмотрев на часы, заторопился. – Извини-

те, я и так вам сказал много лишнего. А теперь мне пора уходить, а то опоздаю на представление.

Он вскочил на ноги, подпрыгнул и плавно полетел вверх как птица, крикнув на лету Мосэ:

– Счастливо оставаться! Если захотите поговорить со мной, то ищите меня в районе горы Фудзи.

– Но постойте! – крикнул ему вслед Мосэ. – Я забыл спросить вас...

Но Синий Дракон уже исчез в голубом небе.

– Чего ты орёшь? – одёрнул его брат Хотокэ, протирая веки и таращась на Мосэ своими заспанными глазками. – Ты так кричишь, что меня разбудил.

Мосэ посмотрел по сторонам, как будто возвращаясь в реальность, и спросил Хотокэ:

– Тебе ничего не показалось?

– А что мне должно было показаться?

– Ты никого сейчас здесь не видел?

– А кого я должен был видеть? Отца Гонгэ? Так он тоже сейчас спит без задних ног. Или священника Хризостома с американкой? Так они ушли вместе на прогулку.

– Ты знаешь, в это трудно поверить, но я только что видел небожителя.

– Это приснилось тебе, – успокоил Хотокэ. – Со мной тоже иногда такое бывает.

Взгляд Мосэ упал на сломанную ветку дерева. Подойдя к ней, он взял её в руки и сказал:

– А это разве не доказательство? Небожитель упал с дерева, сломав эту ветку.

– Так он упал с дерева или с неба? – с иронией спросил Хотокэ.

Мосэ отмахнулся от его шутки.

– Я серьёзно говорю тебе, что видел Синего Дракона, который сказал мне, как разыскать «Учение шести углов».

– Всё это – плод твоей фантазии, – сказал Хотокэ, улыбаясь, – ведь всё, что мы видим, это – продукт нашего сознания. Как там говорится в свитке отца Гонгэ «Хранилище глаза истинного Закона» – «Сёбо гэндзо»: «Все дхармы, вся природа, всё живое на земле – всего лишь сознание, всё друг в друга включено и друг другу тождественно. Все учения гласят: всё равным образом есть одно сознание». К тому же, на нас постоянно влияют разные символы. Вся наша жизнь проходит под знаками символов. И ещё не известно, мы творим символы, или символы творят нас, тем более, если мы их получаем в наследство от наших предков. Ведь и история человеческая слагается из ряда символов. У нас даже простые истории преобразуются в символы. Так вот наслушаешься всяких небылиц, вначале отнесёшься к ним с юмором, и даже посмеёшься, а потом начинаешь в них верить, и попадаешь уже под их влияние. То, что по своей природе не может быть, начинает уже происходить. Самое лучшее, что может сделать человек, это – жить без всяких символов, и не верить в разного рода небылицы.

Но Мосэ вдруг пришла в голову одна мысль, и он воскликнул:

– Я знаю, как уговорить отца Гонгэ, чтобы он отпустил нас попутешествовать с американцами по Японии. Нужно ему сказать, что подлинный свиток «Роккакурон» находится в префектуре Тоттори, и мы его сможем разыскать, а заодно и поможем американцам в исследованиях этих высоких деревьев.

На этот раз Хотокэ отнёсся к заявлению своего собрата серьёзнее.

– Я понимаю, – сказал он. – Иногда во сне снисходят на нас откровения. И что тебе сказал небожитель?

– Он сказал, что я должен отправиться в путь на поиски этого учения.

– И куда же это?

– Пока толком не знаю. Но нужно побывать и на юге, и на западе, и на севере, и на востоке.

Хотокэ засмеялся, заметил:

– Это значит, тебе нужно побывать везде, где только можно.

– Вот именно. На юге я должен встретиться с Красной Птицей, на Западе – с Белым Тигром, на севере – с Чёрным Воином, а на востоке – ещё раз с Синим Драконом. Но главное, мне где-то нужно разыскать Абурауси – Жирную Корова. Он, наверняка, знает что-нибудь об «Учении шести углов».

– А ещё с кем ты хочешь встретиться? – спросил его Хотокэ, с интересом разглядывая своего собрата.

– Ещё бы я хотел увидеть Летающего Зайца с луны, – ответил тот.

– Может быть, тебе ещё и на луне нужно побывать? Но для этого тебе нужно записаться в астронавты в Агентстве НАСА, – серьёзно заметил Хотокэ, подойдя к Мосэ и трякнув его за плечо. – Проснись и перестань нести чепуху. Нам уже нужно идти к настоятелю за поручениями.

Мосэ не стал возражать брату Хотокэ. Запахнув полы лёгкого кимоно и поправив пояс, он поднялся со своей лежанки и отправился в основную пагоду храма – хондзан – для встречи с настоятелем.

Вот такие события произошли по рассказам монахов в моё отсутствие. Вечером, когда мы все вместе собрались на ужин, отец Гонгэ объявил нам, что отпускает монахов с нами для поиска подлинной копии свитка «Роккакурон» – «Учения шести углов».

День третий «Наставление учителя Воплощения»

Буддийское сердце подобно луне –

Недостойно пыли мирской.

Дар поэта Небу подобен

Своей чистотой.

Und Gott sprach: Es werde Licht! und es ward Licht.

Рано утром, когда я выходил из гостевого домика от Натали, расположенного недалеко от моей хижины, то натолкнулся на отца Гонгэ, идущего на утреннее бдение. Он посмотрел на меня несколько удивлённо, и я почувствовал внутреннюю неловкость. Чтобы как-то оправдаться, я заговорил с ним:

– Не подумайте чего-нибудь такого непристойного, отец Гонгэ, но Натали – моя бывшая жена, временно утраченная, по недоразумению, и которую я верну себе всеми имеющимися у меня средствами. Ради неё я, может быть, и живу в этом мире.

– А я вас раньше принимал за духовное лицо, – сказал

отец Гонгэ.

– Но я не принимал на себя монашеского пострига, – заметил я, – тем более, что я напрямую не представляю Православную церковь, но я состою в духовно-светском братстве, занимающимся миссионерской деятельностью.

– Так значит, вы не духовное лицо.

– Ну, как сказать, – запротестовал я, – в Православии священникам вплоть до высших чинов и монахов разрешено иметь жён. А дети в таких семьях всегда считались очень одухотворёнными и вели всегда правильный образ жизни.

Отец Гонгэ рассмеялся.

– Россия, вообще, загадочная страна, – заметил он, – я слышал, что бурятские буддисты решили отменить целибат. Как только это случится, в России с буддизмом будет покончено. Если католики откажутся от целибата, то католичество отомрёт.

– Это почему же? – удивился я.

– Тот, кто встаёт на путь духовного совершенствования, должен отказываться от многих мирских благ. Я понимаю, что в России монахи всегда были самыми сильными в мире получателями небесных знаний, за ними стоят высшие чины церкви, соблюдающие целибат. Но они уже частично отходят от получения небесных знаний, потому что отдаются мирским делам, то есть, управлению церкви, а прочее женатое духовенство, настоятели храмов, всегда были проводниками, распространителями небесных знаний, получаемых

от монахов. Они очень часто подвергались мирским соблазнам, и сейчас, наверное, им подвергаются. Вероятно, поэтому во время революции в России духовенство повело себя пассивно и дало возможность прийти к власти безбожникам, а потом за это жестоко поплатилось. Я так понимаю. Может быть, я не прав.

– Наверное, вы правы, – после раздумья произнёс я.

– А я посчитал вас священником-монахом, – признался отец Гонгэ.

– Почему? – спросил я,

– Потому что вы имеете способность по шелесту листьев священного дерева предсказывать будущее.

– Но это произошло со мной впервые в жизни, – признался я.

– Тогда всё понятно, – сказал отец Гонгэ, – вы часто поститесь?

– Ну, я соблюдаю посты.

– У вас, кажется, три основных поста?

– Да, – сказал я, – большой сорокадневный пост перед Пасхой, затем Петров пост и Рождественский.

– И как вы поститесь?

– Ем постную пищу.

Отец Гонгэ опять рассмеялся.

– Какой же это пост, – сказал он, – если вы что-то едите. Пост – это когда прекращают кушать любую пищу, и пьют только воду. Это и называется постом (дандзики) – прекра-

щение еды. Только так можно приблизиться к небесным истинам. Вы когда-нибудь голодали?

– Ну, пару раз, дня по три.

– А часто болеете?

– Случается иногда.

– Тогда всё понятно, я удивляюсь, что у вас открылся дар – по шелесту листы угадывать будущее. Но, может быть, это проявилось единственный раз, такие случаи бывают у людей, особенно в экстремальных ситуациях, когда глас природы прорывается к человеку, минуя чакры. Но чтобы иметь постоянную интуицию необходимо голодать. Это знают все люди, имеющие отношение к восприятию духовных и священных озарений. Если вы хотите сохранить этот дар, то вам нужно налагать на себя посты и аскезы. Ведь предвиденье – непростое дело, а очень упорный труд, борьба с собой, и, можно сказать, духовный подвиг. Вы знаете, почему на моих монахов нисходит озарение, когда они предсказывают будущее?

Я покачал головой.

– По нашему уставу ученья «Роккакурон» мы должны каждый месяц шесть дней перед новолунием голодать, иными словами, поститься. Но главный пост в году у нас сорок два дня, мы его соблюдаем перед началом лета, когда ещё не очень жарко. Можно, конечно, соблюдать пост и тридцать шесть дней – шесть шестёрок, но интуицию монахи начинают приобретать всегда на сорок второй день. Можно и голо-

дать дальше, чем больше дней, тем больше человек обретает просветление и святость. Но я своим монахам запрещаю голодать больше этого срока, потому что они молоды, и сам держусь в этих рамках, так как я уже стар. В миру человек обычно не придерживается постов, а занимается только тем, что удовлетворяет все свои прихоти – вкусно и обильно ест, пьёт крепкие напитки, вольготно живёт, наслаждается сексом, курит и творит разные непотребности. Он является рабом своих чувств, и за это расплачивается болезнями. Однако, он понимает, что делает что-то в жизни неправильно, но тут же находит тысячи предлогов и оправданий своего образа жизни. Его ум настолько извращён и изобретателен, что он, чтобы оправдать свои чувства любым способом, пытается обойти нравственность, оправдать себя перед своей совестью. А когда заболевает, то не может найти причину своей болезни. А всё потому, что любая болезнь лечится голодом. Это – закон природы. Но человек никогда ему не следует. Для того, чтобы обойти его, он создал у себя самую развитую отрасль промышленности – медицину, с её фармакологией, хирургией и, Бог знает, ещё чем, совсем забывая о том, что, чтобы выздороветь, всего-то нужно поголодать. В человеке заложен такой же потенциал силы здоровья, как и в любом диком животном. Но диких зверей и животных к голоду принуждают сезонные изменения, когда они не могут найти корма, а у человека еды всегда существует вдоволь, он сам ест вволю, и закармливает домашних животных. Вы знаете, что

если регулярно кормить волка, то он на одну треть меньше живёт? Сытая и спокойная жизнь делает организм человека слабым и незащищённым от болезней. Несоблюдение законов природы делает человечество больным. Возьмите хотя бы Америку, это – самая больная страна в мире из-за её благополучия и богатства, ожирение скоро приведёт эту страну к гибели. Чтобы быть здоровым, нужно быть бедным, много трудиться и чаще голодать.

– Но Япония тоже богатая страна, – возразил я ему, – но как я заметил, у вас мало толстых людей.

– Да, – согласился он, – во-первых, японцы очень много работают, а потом наша традиционная пища очень легкая – овощи, рыба и морепродукты, что способствует сохранению здоровья. И потом японцы никогда не переедают. Во-вторых, многие японцы любят спорт, даже в наших школах спортивным занятиям уделяется много времени. Но всё равно, американские стандарты жизни с их обществом потребления последнее время всё более негативно сказываются на здоровье японцев. С этим я борюсь, когда встречаюсь с прихожанами, призывая их всегда к здоровому образу жизни. О каком просветлении может быть речь, когда у человека постоянно набит живот пищей, и питается он обильно и по три, а иногда по пять раз в день. У него даже не возникает чувства голода. Вы знаете, что раньше, даже в Европе, до средних веков питались только день раза, и делали это утром в девять часов и до четырёх часов дня. Остальное время суток

организм разгружался, поэтому и болели в те времена реже, так как медицина не была ещё такой изощрённой, и человек полагался на природу, и жили дольше, чем сейчас. Взять хотя бы даосов, ведь многие из них вообще достигали бессмертия. Как говорится в древних китайских текстах, «они питались воздухом, и пили росу». А знаете, для чего им служил один из их постоянных атрибутов жизни, наравне с молебельным ковриком, тыква-горлянка?

– Нет, – ответил я, – но об этом я всегда хотел узнать, ведь тыква-горлянка для даосов была как некий символ.

– Совершенно верно, – согласился отец Гонгэ, – эта выдолбленная тыква была их сосудом очищения, сейчас это называют клизмой. Поэтому тело даоса было настолько чистым и очищенным, что в него проникал божественный свет. Даосы светились изнутри. Они не только обладали интуицией, но при помощи небесных знаний, которые получали напрямую из космоса, овладевали многими качествами и способностями, видели будущее, уходили от опасностей, могли переноситься на расстояние, как говорилось, «оседлав ветер», и делали много других чудес, непосильных простым смертным. Но, к сожалению, всё это забыто. Я стараюсь привить своим прихожанам здоровый образ жизни, но мне это очень удаётся сделать. Они слушают меня, соглашаются, но продолжают жить по привычке, пьянствуют, объедаются. Есть у них один порок, это – пьянство, в городе очень много любителей sake, и я ничего не могу с этим поделать, что-

бы отучить их от этой привычки. Дело в том, что наш городок называется Ёсида, как вы понимаете, название означает «Доброе поле». Но первый иероглиф, означающий «добро», по звучанию похож на иероглиф «ёси», что означает «опьянение» и «пьянство». И как-то в головах у горожан смешались два этих понятия, и они подсознательно стали считать, что добрый – это пьяный, а пьяный – добрый. Наш японский язык вообще изобилует множеством омонимов, это – слова одинаковые по звучанию, но разные по смыслу, и это случилось тогда, когда мы заимствовали китайские иероглифы. Ведь был же раньше наш простой японский язык, и мы могли письменно обходиться только катаканой или хироганой, а с приходом иероглифов язык усложнился, как бы получилось наслаение, и все наши японские слова получили своих китайских двойников, у нас образовался смешанный язык, и это внесло массу трудностей в понимание. Как-то я насчитал в нашем языке десять тысяч омонимов. И если китайцы свои иероглифы читают с четырьмя тональностями, и всё встаёт на свои места, то у нас тональностей в языке нет, и возникает путаница в понимании. Да вы это знаете прекрасно. Даже в дипломатической практике японцы прибегают к более точному французскому языку, чтобы не было двусмысленности. Так что эта двусмысленность настолько вошла в наше сознание, что у нас начались всякие ментальные заморочки. Например, даже в цифрах число четыре у нас обозначается иероглифом «си», то же звучание, как и у «иероглифа смер-

ти». Поэтому в наших гостиницах вы не найдёте четвёртого номера. В Китае – то же самое. Но вот цифра «девять» в Китае считается самым счастливым и полным числом, потому что звучит по-другому в отличие от японского, а у нас это число означает по звучанию «ку»? – глупость, нелепость и вздор, а также горе, нужду, боль. Поэтому мы не считаем это число счастливым. Вот видите, какие заморочки существуют в нашем языке. Но к чему я это говорю? Я хочу всё же как-то отучить жителей нашего городка от обжорства и пьянства. Поэтому хочу обратиться к вам за помощью. Вы хорошо знаете японский, не смогли бы вы в моём приходе выступить с проповедью о вреде переедания и пьянства. Вы – иностранец, может быть, ваша речь как то повлияет на их образ жизни. Расскажите им о постах в Православной церкви.

– Хорошо, – согласился я, – когда это нужно сделать?

– Сегодня вечером, как раз, мы собираемся в городке на богослужение.

Услышав моё согласие, отец Гонгэ сразу же повеселел.

– А знаете, что, – сказал он мне, – у вас прорезался дар, вам ни в коем случае нельзя его терять. У меня есть предложение к вам. Воспользуйтесь нашей методикой просветления. Так или иначе, вы сможете с нами, взаимодействуя, просветиться и укрепить ваш дар. Я не знаю, как в Православной церкви приходят к святости, но если у вас пока нет своего опыта, попробуйте использовать наш. Ведь он помог моим

монахам Мосэ и Хотокэ обрести этот дар виденья будущего. Мосэ будущее видит во снах так же, как американский провидец Кэйси, а Хотокэ, как Шакьямуни, получает небесные откровения в медитации. Вчера они у меня выпросили разрешения присоединиться к американцам с целью помочь им в постижении понимания тонких сущностей, проникающих в наш мир через тысячелетние деревья. Но сегодня я поставлю перед ним условие, чтобы всё это время они постились. Как только они прервут пост, то будут обязаны вернуться в храм. Может быть, и вы попуститесь с ними?

– Было бы неплохо, – согласился я.

– Они вам помогут овладеть практикой очищения и просветления. Вы ближе познакомитесь с буддизмом, разговаривая с ними. И станете настоящим провидцем будущего, понимая шелест листвы деревьев. Но кроме этого вы приобретёте ещё массу качеств и способностей, которые и не снились мирянину.

– Например, какие?

– Пока я вам этого не скажу, всё будет отрываться в вас по степени вашего приближения к совершенству. Но обещаю вам, что вас ждут на этом пути приятные неожиданности. Но никто из посвященных о них не говорит. Все эти качества – их тайна, которую лучше всего не разглашать. Вам, как моему единомышленнику, я открою свою тайну, для того чтобы укрепить вас на этом пути. В жизни я играю роль некого болтливового простачка, и таким образом отвожу от себя вся-

кие подозрения, но я хорошо понимаю птичий язык, и через него узнаю много небесных откровений. Я никому этого не говорю, а так, намёками, когда это нужно, оповещаю о грядущих событиях своих прихожан. Кто мудрый, тот это понимает, а глущу и говорить этого не стоит, потому что он всегда поступит с точностью наоборот. Ведь если человек не способен понимать того, что скрывают слова, или что недосказано, а также, что скрыто меж словами или между строками священных писаний, то он никогда не обретёт мудрость, а если случайно и обретёт её, то со временем её всё равно потеряет. Это и есть секрет проницательности и интуиции. Я всегда говорю всем о своих птичках Ричике и Чарли, и меня уже все, наверное, считают за помешанного, или выжившего из ума старика, впавшего в детство. Но посредством этих рассказов я говорю собеседнику или прихожу некоторые небесные тайны. Понимающий это услышит, а кто этого не понимает, тому этого и знать не обязательно.

– Это почему? – удивился я.

– Есть такая еврейская притча. Один раввин знал птичий язык. Его прихожанин очень хотел научиться понимать птиц, и попросил раввина обучить его этому языку. Раввин вначале отказывался, но тот так приставал к нему, что, наконец, уговорил его. Хотя раввин и предупреждал: «Как бы раскаиваться тебе не пришлось после этого». Прихожанин освоил этот язык. Как-то дома, сидя во дворе на скамеечке, он услышал, как воркуют голуби: «Сегодня к нашему хозяи-

ну ночью залезут воры и обокрадут его». Хозяин расставил по дому слуг и заставил стеречь добро всю ночь. Воров не было. На другой день он опять слышит воркование голубей: «Сегодня ночью сгорит дом нашего хозяина, жаль бедолага». Опять хозяин на ночь расставил слуг с вёдрами воды. Пожара не случилось. На третий день слышит, как воркуют голуби: «Как жаль нашего хозяина. Бог решил наказать его, вначале посылал к нему воров, но те не смогли пробраться в дом, затем решил устроить пожар, но и этого не вышло. Тогда он решил забрать его сына. Этой ночью сын должен умереть». Так и случилось, у хозяина умер сын, из-за знания птичьего языка хозяин уклонился от лёгкого наказания и принял тяжёлое. Так что не всем всё положено знать, чтобы избежать большей беды, и не навредить своей судьбе. Нужно следовать пути Недеянья, и принимать все невзгоды жизни стоически.

Рассказ отца Гонгэ произвёл на меня впечатление. Поэтому я спросил его:

– Значит, не все должны знать правду жизни?

– А лучше всего вообще не знать будущего, – признался он, – потому что это такое тяжёлое бремя, и жить даже становится неинтересно, когда всё наперёд знаешь. Я молю небо, чтобы он отнял у меня этот дар, но, к сожалению, обретаемый дар уже никуда не исчезает. Так что, прежде чем утвердиться на пути обретения дара, трижды подумайте, а нужен ли он вам. Оставаясь простым человеком, вы будете

намного счастливее.

– Нет, – сказал я, – если передо мной возникает какая-то цель, я уже не могу остановиться. Иду к ней, пока её не достигну.

– Сейчас перед вами два пути, – сказал отец Гонгэ, – один путь – это соединиться со своей женой и дочерью и стать обыкновенным счастливым человеком, другой путь – идти дорогой духовного совершенствования и обретать небесные дары.

– Откуда вы знаете о моей дочери?! – воскликнул я и, кажется, побледнел.

– Извините, – сказал отец Гонгэ, – я невольно выдал ещё свой один дар – проникать в мысли собеседника. Но я никогда не выдаю чужих секретов. Так что, успокойтесь и хорошо подумайте, какой вам путь выбирать.

– Но неужели их нельзя совместить?

– Можно, – ответил настоятель, – но вы столкнётесь с массой трудностей, и в конечном итоге везде потерпите поражения. Я вам советую подумать, стоит ли вам возвращать свою бывшую жену. Сейчас у неё уже совсем другая жизнь, а ребёнок своего вы даже не видели. Дочь ваша не знает о вашем существовании, считает своим отцом американца. Сможете ли вы дать ей то, что способна дать его семья? Не будет ли потом она вас упрекать, что вы поломали её жизнь и изменили судьбу? К тому же, если вы встанете на путь духовного совершенствования, то не сможете посвятить себя этому

целиком, имея семью.

– Но я люблю свою жену и буду любить её всю свою жизнь, и думаю, что она меня – тоже.

– Любовь – это благородное чувство, но и опасное, страстная любовь часто переходит в страстную ненависть. Жизнь и отношения между мужчиной и женщиной всегда очень сложны, вам предстоит суровое испытание. И если вы пройдёте через них и сохраните любовь, то вы всё равно никуда друг от друга не денетесь. Так что я предлагаю вам пройти испытание временем.

– Так, наверное, и будет, святой отец. Но сейчас я должен достичь совершенства и укрепить свой дар. Вы поможете мне на этом поприще?

– Помогу, потому что только так вы обретёте свет, – ответил отец Гонгэ, – вы решили отправиться в путешествие вместе с моими подопечными монахами. Во время их пребывания с вами не удивляйтесь их экстраординарным способностям, вы не всегда сможете за ними поспевать.

– Как это? – удивился я.

– Они способны перемещаться по воздуху на далёкие расстояния, это – одно из даров нашего «Шестиугольного учения». Но вы будете всегда знать, где они находятся и следовать за ними вашим эфирным телом. В ваших снах я буду являться к вам и подсказывать, что нужно делать и делиться с вами информацией. Отсюда из храма я буду видеть каждый их шаг. Но об этом вы никому не говорите, даже вашей воз-

любленной, хотя и говорят, что у влюблённых секретов нет. Как только вы скажете кому-либо о наших возможностях, я прерву с вами духовный контакт. Это – моё условие.

– Согласен, – сказал я, не раздумывая.

Отец Гонгэ посмотрел на тёмное небо. На востоке горизонт чуть посветлел багровым отблеском.

– Извините – сказал он, – мне пора на медитацию, а то мои ученики меня уже заждались.

Я ему поклонился. Он прошёл несколько шагов и, оглянувшись, сказал:

– Может быть, вы примете участие в нашей медитации?

Я с готовностью согласился.

По дороге к главному строению Храма «хондзан» отец Гонгэ продолжал говорить:

– В жизни всегда кто-то кого-то любит, но все любят друг друга не одинаково. Чаще всего нет взаимности в любви. Обычно мужчина любит женщину, женщина любит ребёнка, а ребёнок любит своего щенка или попугайчика. Очень часто человек любит то существо, которое зависит от него, и о котором он заботится. В тот год Ричик потерял свою подругу Чарли. Чарли заболела в начале лета, когда цвели одуванчики. У неё начал закрываться глаз. Вначале мы с сестрой не поняли, что с ней происходит, и решили, что Ричик в драке ей поранил глаз. Это предположение вызвало у нас негодование, и даже гонение на Ричика. Моя сестра пыталась его отсадить в другую клетку. Но он упёрся, и не пошёл. Он был

очень гордой натурой. Мы просто закрыли клетку с Чарли, а он вынужден был ночевать несколько ночей на клетке. Я видел, что Ричик страдает и не понимает, что происходит. С каждым днём Чарли становилось всё хуже. Вместо глаза уже образовался чёрный нарост, она потеряла свою подвижность и весёлость, даже голос у неё изменился, из звонкого стал писклявым. Мы очень жалели её, но ничем помочь не могли. Последние дни она больше сидела в углу и ни во что не вникала. Ричик проявлял к ней жалость, он, так же как и раньше, чистил ей пёрышки и щекотал шейку. Идя домой со школы, я срывал с газонов цветущие одуванчики и развешивал на клетке, но Чарли это уже не радовало. Потом мы с сестрой поняли, что она болела какой-то своей болезнью, из-за которой птицы умирают, и раскаивались, что зря наказывали Ричика. Однажды, придя домой, мы нашли Чарли лежащей на полу клетки возле кормушки мёртвой, вся спина её была выщипана, повсюду – перья, а Ричик в страхе забился в угол клетки. По-видимому, когда она упала возле кормушки, он пытался её поднять и оживить. Он не мог поверить в её смерть, не знал, как он будет жить без неё, боялся будущего. И потом, когда я уже похоронил её возле нашего дома, Ричик долгое время не мог прийти в себя. Он всё ещё её ждал. Тогда он ещё не понимал, что такое смерть. А позднее он сам погиб. Если бы я в последний день закрыл его в клетке, то такого бы, наверное, не случилось. Последний день я почувствовал его нервозность, он громко чирикал, как будто ру-

гался, и бегал по подоконнику. Возможно, он предчувствовал свою смерть. А может быть, решил, что такая жизнь ему не нужна, и сам бросился под ноги моей сестры. Жаль его! Бедный он, бедный. Сестра мне тоже сказала, что Ричика ей было жальче, чем Чарли, возможно, потому, что она стала причиной его гибели, а может быть, что он в жизни был какой-то несчастный и обделённый.

Слушая его рассказ о попугайчиках, я уже воспринимал его совсем по-другому, чем раньше, помня предыдущие слова об иносказательности его рассказов.

Вдруг отец Гонгэ заговорил напрямую о своих монахах:
– Рано или поздно мои монахи тоже откочуют в мир иной. Это случается с каждым смертным человеком. Но что касается переселения в мир иной Хотокэ и Мосэ, то они видят в этом уходе смысл своей жизни, трактуя его так: смертный час – это рождение праведника в новом, более «высоком» облике. Для них лозунг монаха Мудзю священен: «Если ты учишься ради того, чтобы отойти от мира и постичь бодхи, тебя ждёт великое воздаяние. Если ты учишься ради того, чтобы достичь известности и выгоды, тебя ждёт великое несчастье».

С этими словами мы вошли в зал мудрости богини Каннон. Там уже сидели Хотокэ и Мосэ в сосредоточенно-отрешённых позах и медитировали. Мы с отцом Гонгэ заняли места на дзабутонах и тоже погрузились в медитацию.

После богослужения и медитации отец Гонгэ вдруг высту-

пил с неожиданным даже для меня заявлением:

– Эти ваши странствия закончатся для вас плохо, вы ещё не подготовлены для тяжёлых испытаний. Поэтому я передумал, и не даю вам моего согласия на участие в эксперименте американцев.

Я видел, как вытянулись лица монахов.

– Можете идти.

Они поклонились учителю и молча удалились. Я же продолжал сидеть на дзабутоне и думать: «Что это всё значит»?

Отец Гонгэ посмотрел на меня и улыбнулся.

– Вы, в самом деле, решили их не отпускать? – спросил я его удивлённо.

Он вздохнул и ответил:

– Всё равно они уйдут в это странствие, которое может стать последним в их жизнь. В том-то и дело, что я никак не могу помешать им. Так уж предопределено судьбой. Но всё же последний раз я хочу попытаться их отговорить. Если они проявят твёрдость, то отпущу их.

Я поблагодарил настоятеля за проявляемое ко мне внимание и терпение и, спросив разрешения посмотреть старинные свитки в библиотеке, удалился.

В библиотеке уже сидела Натали, склонившись над древним манускриптом. Увидев меня, она улыбнулась и спросила:

– Ну как?

– Всё в порядке, – ответил я и сел рядом с ней.

Некоторое время мы разбирали свитки по буддийскому канону и делились друг с другом мнениями. Но всё это время у меня не шёл из головы разговор с отцом Гонгэ, состоявшийся утром. Я с интересом смотрел на Натали и удивлялся, как она быстро прочитывает свитки на старо-японском языке и буддийские тексты. За семь прошедших лет она очень продвинулась в своих знаниях и понимании жизни. Она уже была не наивной девушкой, когда-то смотревшей мне в рот и ловившей каждое моё слово, а выглядела зрелой женщиной со своим сложившимся мировоззрением и довольно высокой внутренней культурой. Но от того, что она повзрослела, внешне нисколько не изменилась, оставаясь такой же симпатичной и притягательной. Может быть, только к ней добавилась некая женственная обаятельность, смягчившая её угловатость девушки-подростка. Моё сердце опять кольнула ревность. Сейчас она уже принадлежала не мне, а какому-то ублюдку из Америки, новому реформатору мира, который ставит рискованные эксперименты с природой, и даже здесь, в далёкой восточной стране, распоряжается всем, как у себя дома. В душе я ненавидел его, хотя и согласился с ним сотрудничать из-за Натали. Но как она относится к нему?

– Ты любишь своего мужа? – спросил я её.

Она отвела взгляд от свитка и посмотрела на меня своим проникновенным взглядом.

– О чём ты говоришь?! – обиженно воскликнула она. – Мне казалось, что мы всё уже выяснили с тобой о нём. Зачем

ты возвращаешься к этому разговору?

– А он тебя любит? – спросил я.

– Может быть, – сказала она, не отводя своего взора от моего взгляда. – Но что это меняет? Ведь я его не люблю.

– Но ты же семь лет жила с ним.

– По привычке. Почему ты начал об этом разговор?

– Сегодня утром отец Гонгэ заметил, как я выходил от тебя. Мне пришлось ему сказать, что ты являешься моей бывшей женой, и что мы расстались с тобой по недоразумению, и что цель всей моей жизни сейчас – это соединиться с тобой.

В её взгляде блеснула искорка радости и благодарности.

– И что он сказал?

– Он сказал, что мне следует подумать, так как у тебя уже устроенная жизнь, а дочь меня даже не знает, и считает своим отцом американца. К тому же вряд ли я смогу по своим возможностям дать вам то, что даёт твой муж. Дочь ждёт блестящее воспитание и образование, а тебя – карьера.

Натали от этих слов усмехнулась.

– Какой же ты глупый, – сказала она, улыбнувшись, – ты совсем не понимаешь души женщины. Какие возможности?! Какая карьера?! Всё это – второстепенно, если я люблю тебя. Карьеру и возможности я сама себя организую, но с тобой я буду счастлива. И ты же не хочешь, чтобы твоя дочь выросла американкой?!

– Это только в страшном сне может присниться.

– Вот видишь, и я так считаю. Я очень скучаю по России. Я

готова жить с тобой в любом городе, в любой деревне. И дочь в России будет здоровее и умнее, чем на Западе. В нашей стране есть сила, и для русских жить за границей – большое несчастье, через полгода уже всё там надоедает и раздражает, какой бы прекрасной жизнь не была. Впервые я почувствовала в Америке, что такое ностальгия.

– Но дочь? Она же там родилась.

– Дочь привыкнет к России и полюбит её. Я путешествовала по многим странам, пока жила там, и уверяю тебя, нет лучшей земли на свете для русского человек, чем его родина. Можно ко всему привыкнуть, можно даже постараться забыть всё, что связано с родиной, но свою русскую душу, вряд ли кто-то сделает американской или французской. Помнишь, как я изучала у тебя французский язык? Некоторое время мы с мужем жили в Канаде. В Квебеке я только о тебе и думала, мне стало там невыносимо, и я попросила мужа вернуться в Штаты. Если бы мы с тобой не встретились ещё двадцать лет, то ещё бы двадцать лет я мучилась, и не находила бы себе места, пока бы в конце концов не вернулась бы в Россию и не нашла тебя.

Я обнял её за плечи и прижал к себе. С этой поры у меня даже не возникало мысли расстаться с ней.

Ближе к обеду я решил ещё раз поговорить с отцом Гонгэ, но меня опередили монахи. Они зашли в Зал Мудрости богини Каннон, мне же пришлось присесть в уголке галереи, откуда я хорошо видел их всех и слышал каждое слово.

Когда оба монаха вошли в зал и уселись напротив него на дзабутонах в позе лотоса, настоятель некоторое время молчал, разглядывая их, как будто видел впервые. Взгляд его был по-отечески ласковым. Со стороны казалось, что он собирался спросить их: «Ребятки, что вам здесь нужно? Что вы от меня хотите?» В эту минуту он напоминал китайского божка доброты, простоты и смирения. Но если бы кто-то проник в его мозг, то удивился бы глубине его мысли, настолько он обладал мудрой проницательностью.

Глядя на своих учеников, Гонгэ думал: вот один из них будет святым, а другой – учёным. Оба они мудрецы, но специалисты в разных областях. Деятельный Мосэ ни минуты не может посидеть спокойно, вечно находится в какой-то суете. Совсем не буддистская черта, всегда взболтан как мутный стакан воды. И мысли бегут у него как кони, и желания суетятся как обезьяны. Но из него получится хороший проповедник, отличный дипломат, мудрый политик, и выдающийся государственный деятель. Недаром у него мать была еврейкой, которую ещё его бабушка вывезла в своей утробе, спасаясь от нацистского истребления. Во внуке её чувствуется предприимчивая натура, еврейская кровь, хотя его дед и был японцем. Правда, он не видел ни отца, ни матери. Мать умерла при родах, а отец сразу же пропал без вести. Мальчик воспитывался в сиротском доме. Но гены везде остаются генами. Всё в его характере приспособлено к работе, к деловым отношениям. И полная его противоположность –

Хотокэ. Прекрасный воспитанный японский юноша с манерами самурая, выдержанный, спокойный, пронизательный, склонный к рефлексии. Это – философ. Он великодушен и обладает абсолютным самообладанием. Остроумен и даровит. Из него получился бы истинный святой, учёный или писатель. Он может часами сидеть в одной позе, созерцая какую-нибудь внутреннюю грань некой скрытой в нём реальности. Или оттачивает свою мысль до абсолютного совершенства. Этот умет ждать и замечать в нужное время и в нужном месте то таинственное, что скрыто от умозрительного восприятия других. Его остроумие может блистать подобно самурайскому мечу. Зигзаг молнии и – вот уже готова идея, повержен враг, или решена задача. Да, оба они стоят друг друга, дополняя друг друга, и обоими ими мне нужно дорожить.

Мосэ от долгого сидения и молчания не выдержал, заёрзал и нарушил тишину зала:

– Учитель, – молвил он. – Вчера я видел небожителя.

– Во сне, – тут же добавил Хотокэ.

– Нет, наяву, – настойчиво заявил Мосэ, кивая на Хотокэ. – Я его видел и разговаривал с ним вот так же, как вижу и разговариваю с вами.

– Почему же я ничего не видел? А ведь мы были вместе, – заметил Хотокэ.

– Ты дрых без задних ног.

– Когда я проснулся, ты тоже спал.

– Я не спал, а лежал с закрытыми глазами.

– И кричал во сне: «Подождите! Я забыл у вас спросить...»

Как дети, но оба они избранные, подумал Гонгэ, один другому никогда не уступит, их удел – спасение мира. Им обоим будут тяжелы поражения. Ни один из них не смирится с тем, чтобы быть в жизни на вторых ролях. А жизнь их кончится гибелью или полной победой. Ничего в них нет от истинных буддистов. Даже Хотокэ теряет самообладание, когда спорит. Нет в них той мудрости, которая остужает спорящих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.